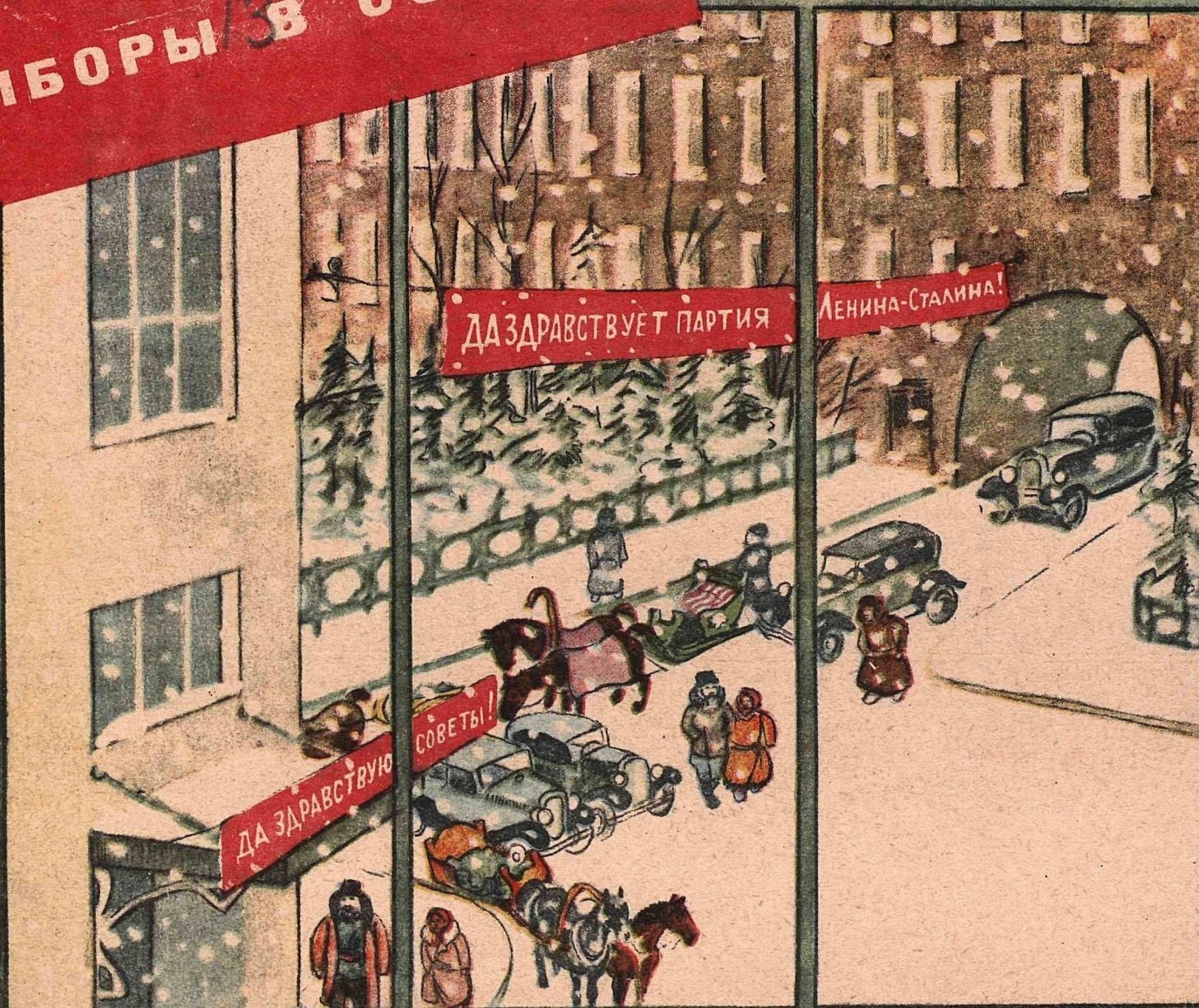

КРОКОДИЛ

К 356
ВЫБОРЫ 35 СОВЕТЫ

ХОДОКИ К СТАРОСТЕ

КАРТИНКА ИЗ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ 1934—35 г.

Рис. М. Храпковского

Осенняя

сказка

Снится председателю Майкопского городского совета сон. Приятный сон. Мы даже сказали бы — чудный сон.

Снится председателю Майкопского городского совета будто... Ну, как вы думаете, что может сниться этому руководящему работнику? Только хорошее? Правильно, — очень даже хорошее. Ему снится, будто он сидит на обыкновенном венском стуле посреди базарной площади и будто играет при этом на огромной новой блестящей медной трубе. Художественно играет. Так играет, будто консерваторию по этой специальности кончал. Мужественные бархатные звуки плавно вылетают из широкого, как кратер вулкана, жерла трубы. И на эти волшебные звуки со всех концов города Майкопа подтягиваются на базарную площадь зачарованные музыкой граждане. Они собираются вокруг своего председателя в тысячеголовый хоровод и кружатся вокруг него плавно и грациозно, подпевая ему ясными и благодарными голосами.

Так они танцуют десять, пятнадцать, двадцать минут. Полчаса. Председатель устает дуть в трубу. Он снимает ее с плеч, вытирает платочком вспотевший лоб и спрашивает у граждан приятным, чистым баритоном:

— Дорогие товарищи, я устал играть для вас на трубе. Дайте я вам лучше интересную книжку почитаю, а?

— Сделай милость, почитай, товарищ председатель, — хором соглашаются граждане и подходят еще ближе. — А какую такую книжку ты нам читать будешь? И чем она, эта книжка, для нас интересна?

Тогда председатель вытаскивает из-за пазухи не особо толстую брошюру в серой обложке, поднимает ее высоко над толпой и торжественно провозглашает:

— Я вам сейчас буду читать «Отчет о деятельности Майкопского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с 1 марта 1930 года по 1 октября 1934 года». А интересна эта книжка вот чем...

Он раскрывает уже рот, чтобы объяснить собравшимся гражданам, чем эта книжка интересна, но вдруг что-то вспоминает, запинаясь, густо, чрезвычайно густо краснеет...

И просыпается.

Просыпается и видит: сидит он на обыкновенном венском стуле в кабинете секретаря Майкопского районного комитета партии. А напротив за письменным столом — сам секретарь.

— Хочешь я тебе интересную книжку почитаю? — спрашивает секретарь у председателя горсовета. А сам такой строгий. Даже сердитый.

— Хочу. А какую?

— А вот эту, — отвечает секретарь и вынимает из письменного стола не особо толстую брошюру в серой обложке. — Хочешь я тебе «Отчет о деятельности Майкопского совета» прочитаю? Тебе эта книжка нравится?

— Очень, — отвечает застенчиво председатель. И кладет ногу на ногу. — А тебе она разве не нравится?

— Представь себе, милый, не нравится. Очень даже не нравится, — говорит сурово секретарь и начинает перелистывать отчет. — Это чорт знает что такое, а не отчет. Это безграмотная и политически вредная трепотня. Это, дорогой мой друг...

Тут председатель горсовета от неожиданности как-то сжигается, густо краснеет, начинает смущенно ерзать на стуле, пытается что-то возразить...

И просыпается. И видит: сидит он на обыкновенном венском стуле в зале заседаний крайиспол-

кома. За огромным столом сидят члены президиума крайисполкома. Они что-то быстро черкают в своих больших блокнотах. Потом приподнимают головы и с суровым осуждением глядят на оторопевшего председателя Майкопского горсовета. С минуту в зале царит напряженное молчание. Потом председательствующий звонит в колокольчик.

— Товарищи, — говорит он, — мы сейчас должны обсудить очень серьезный, принципиальный вопрос, вопрос об издании Майкопским горсоветом неряшливого по языку и политическим формулировкам отчета. Я предоставляю сейчас слово ответственному инструктору крайисполкома, отвечающему за работу Майкопского совета.

В наступившей тишине слышно, как инструктор встает, вытаскивает из своего кожаного портфеля серую брошюру и, медленно перелистывая ее, начинает:

— Товарищи, я счел необходимым немедленно поставить вопрос об отчете Майкопского совета на обсуждение президиума, как только я, согласно возложенным на меня обязанностям, ознакомился с этим примечательным печатным произведением. (Зал настораживается). Трудно себе представить отчет более безграмотный и безответственный. Обыкновенная грамматическая неграмотность перемежается в этом отчете с массой политически запутанных формулировок. И все это изрядно пересыпано аллилуйшиной. Не буду голословным. Прислушайтесь к чтению наиболее поразительных мест. (В зале движение).

Оставим в стороне такие «мелкие» безграмотные формулировки, как: «Рост активности женщин в работе горсовета так же возрос» и возьмем только две фразы:

Первая: «Из приведенных таблиц видно, что жилфонд имеет прирост за счет частного жилфонда как в отношении количества домов, так и самой площади объясняется сокращением частного строительства, реализацией частных домовладений горфо в погашение уплаты гособязательств, а также значительное разрушение домов, как безхозяйственных, на окраинах города в период 1932—33 года». (Смех).

Мне кажется, безграмотность этой фразы не нуждается в доказательствах. (Возгласы с мест: «Не надо. Ясно»).

А вот и другая, предельно безграмотная фраза в разделе: «Радиозузел»:

«Наряду с достижениями имеются и отрицательные моменты, как-то: отсутствие хорошей слышимости аппарата к запросам трудящихся масс».

(Громкий смех). И тут же начинается следующая фраза:

«Ввиду слабого контроля за абонентами, что привело к задолженности на 20% к общей сумме годового задания».

Я позволю себе огласить еще одну выдержку из отчета, на основании которой можно сделать вывод, что классовая борьба в Майкопском районе прекратилась к концу отчетного периода:

«Нужно отметить, что в период классовой борьбы, при сплошной коллективизации и ликвидации кулака как класса, большое число членов горсовета выбыли на проведение хозяйственно-политических кампаний в села, часть выбыла на учебу.

Что и послужило неработоспособностью секций и городского совета». (Смех).

Было бы несправедливо отрицать успехи, достигнутые за последние четыре года майкопской промышленностью, нельзя ни в коем случае забывать о достижениях города Майкопа в области народного образования, радиообслуживания, борьбы с беспризорностью, успехов в деле охраны материнства и младенчества. Открыта водолечебница. И т. д. Но как можно утверждать, что за отчетный период в Майкопе «городской совет добился ряда крупнейших побед в своей работе, как-то: улучшения культурно-бытового обслуживания трудящихся города», когда в другом месте того же самого отчета говорится, что «население города обслуживается (электричеством) только на 20%», «по линии водоснабжения населения города, и особенно окраин наказ избирателей городской совет не выполнил». Что же касается бань, то «число помывок по сравнению с 1931 годом и 1933 г. снизилось на 28», при чем объясняется в отчете это падение помывок совершенно вздорными и политически нелепыми рассуждениями.

И наконец последнее доказательство того, как в отчете не увязаны концы с концами. На 6-й странице отчет утверждает, что «основными проводниками в работе президиума горсовета являются секции горсовета, работы которых характеризуются следующими данными». Дальше приводятся цифровые данные о составе секций в 1929 г. и 1934 году. А на 34-й странице в «Заключении» простодушно говорится о том, что «отсутствие массовой работы привело к такому положению, что в 1934 году как секции, так и депутатские группы и посты совершенно свои работы не проводили».

Смех в зале. Смех растет. Раскаты его оглушают председателя Майкопского горсовета, пытающегося что-то пролепетать в ответ. Он делает героические попытки перекричать грохочущий хохот всего зала...

И просыпается. Он лежит у себя в Майкопе, в своей собственной комнате на кровати. Над его головой склонились испуганные его криком домашние. Они спрашивают у него, в чем дело. Он долго сам не понимает, в чем дело. Потом убеждается, наконец, что он у себя дома и что все ему приснилось. Он очень доволен. Он берет со стола не особо толстую брошюру в серой обложке. Перелистывает ее, находит в ней все, о чем говорил в его страшном сне неумолимый инструктор крайисполкома. Председатель совета задумывается на минуту. Потом чело его проясняется.

«Чепуха, — думает он. — Ну и сон! Слава аллаху, ни секретарь райкома ни президиум крайисполкома внимательно не просматривали отчет. Приснится же такая чертовщина!»

Председатель неспеша одевается, пьет чай, завтракает и уходит на службу.

И. БУШУЕВ

«...ЧОРТ ЕГО ЗНАЕТ, ЕСЛИ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ СКАЗАТЬ, ТАК ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ И ЖИТЬ (СМЕХ), НА САМОМ ДЕЛЕ, ПОСМОТРИТЕ, ЧТО ДЕЛАЕТСЯ. ЭТО ЖЕ ФАКТ! (ШУМНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ)...»

КИРОВ на XVII с'езде ВКП(б)

Пламенному бесстрашному революционеру, отдавшему жизнь за коммунизм, любимому руководителю большевиков и всех трудящихся Ленинграда, изумительному оратору революции, другу писателей и художников, человеку лучистой теплоты,

СЕРГЕЮ МИРОНОВИЧУ КИРОВУ,

погибшему от подлой руки негодяя, шлет последнее прощание вместе со всей скорбной и гневной страной

Редакция КРОКОДИЛА.

Первым решился нарушить молчание Иваньков.
— Пропал! — сказал он.
— Без тебя знаем, — ответил Петькин.
— А куда он мог пропасть? — спросил Буйко.
— Не задавайте глупых вопросов. Кабы знать, куда пропал, пошли бы и взяли.
— Может, сперли?
— Ну, так что ж?
— В милицию заявить, что ли?
— А, может, в газету дать объявление?
— Тут, товарищи, не до шуток. Вот собрались мы здесь, члены президиума горсовета. Сейчас придет и наш уважаемый председатель товарищ Смолкин. Надо серьезно обсудить положение. Надо готовиться к выборам, к отчетной кампании. А наказ потерян. Как же нам отчитываться? Как явиться перед лицом избирателя?
— А, может, по памяти восстановим? А? Каждый по кусочку — вот и наказ. Вот я, например... Хотя... По совести сказать, ни шута не помню.

— Да кто такое помнить может? Кабы в стихах, так, может, детишки заучили бы. А проза — она, шельма, скоро забывается. Я на чистке свою автобиографию забыл, потому что проза. А вот «Мцыри» Лермонтова до сих пор помню.

— А что если позвонить Егору Кузьмичу? А? Он всякую древность помнит. Порой начнет рассказывать, так только диву даешься, — откуда в такой плешивой голове столько чепухи напихано?
— В один момент! — сказал Гулякин, секретарь президиума. — Сейчас мы ему звякнем.

Гулякин подошел к телефону и стал неистово вертеть ручку.

— Станция! Станция! Фу-фу... Станция! Вот черти, никогда не ответят. Станция! Фу-фу!

Гулякин, обливаясь потом, вертел телефонную ручку, дул в трубку, кричал, ругался. Не помогло. Станция хранила гордое молчание.

Вдруг лицо Гулякина озарилось.

— Товарищи! — вскричал он. — Телефон не работает? Не работает. Очень даже хорошо. И вот вам один из пунктов потерянного наказа. Вспоминаю. «Предложить новоизбранному горсовету упорядочить телефонное хозяйство в городе и наладить телефонную связь с ближайшими колхозами».

— Правильно!
— И я вспоминаю. Так оно и есть.
— Итак, один пункт есть. Запишем. А как же... Фраза не была закончена. Электрический свет в лампочках вздрогнул и погас. Зал президиума горсовета погрузился во тьму.

— Опять.
— Что-то неладно с нашей станцией.
Во тьме раздался голос Гулякина:
— Товарищи! Есть! Электростанция работает плохо? Плохо. Это нам теперь и надо. Вспоминаю еще один пункт наказа — «наладить работу электростанции». Запишем.

— А как же в темноте записывать?
— Загибаю палец для памяти. Никифор! Сбегай рядом в школу за керосиновой лампой.
— В школе от холода все стекла потрескались.
— Это кто сказал? Никифор? Молодчина! Загибаю еще один палец. Как теперь помню, был в наказе пункт: «отремонтировать школы и утеплить их». Вот уже три пункта имеется. Товарищи, не падайте духом. Сейчас вспомним и другие пункты.

— Посидим ночь в темноте, — все вспомним.
— Прямо не заседание, а кинематограф.
— Загибаю еще один палец. «Улучшить работу кино». Такой пункт обязательно был.
В темноте раздался обиженный голос Петькина.

— Сиди прямо, товарищ Буйко. А то навалился на меня, как пень.
— Как пень? — подхватил неутомимый Гулякин. — Пень. Пень. Нет, об этом в наказе ничего не было.

— Опять. Сиди, пожалуйста, прямо. Навалился, как дерево.
— Дерево? Загибаю палец. В наказе, вспоминаю, говорилось — «приступить к древонасаждению». Все идет хорошо, товарищи. Продолжаем заседание.

— Продолжать можно. Но даже впотьмах есть хочется. Сварганил бы, Никифор, чайку да бутербродов.

— Да откуда их взять?
— Есть! — ликующе завопил Гулякин. — Загибаю еще один палец по причине отсутствия бутербродов. Вспоминаю — «наладить горячие завтраки для школьников». Хорошо! Продолжаем.

— А все-таки куда девался наш председатель товарищ Смолкин?
— Никифор! Сбегай бы за товарищем Смолкиным.

Слышно было, как хлопнула дверь за уходящим Никифором. Не прошло и трех минут, как на улице раздался плеск воды и душераздирающий крик.

— Кажется, Никифор орет.
— Ничего. Это он в канаву попал. Не впервые.
— Спокойно, товарищи! — неистовствовал Гулякин. — Загибаю палец. «Поручить горсовету отремонтировать тротуары». Продолжаем заседание.

Хлопнула дверь. Кто-то вошел, ворча и отдуваясь.

— Кто там?
— Я! Никифор. Весь мокрый. Братцы-товарищи! Мы тут сидим и заседаем. А знаете, где наш уважаемый председатель товарищ Смолкин?

— Где?
— В болоте.
— В каком болоте?
— В обыкновенном. Что на базарной площади.
— Что ж он там делает?
— Сидит на своем «форде» — и ни туда, ни сюда. Застрял бедняга. Я ему говорю...

— Молчи, Никифор! Не мешай! Застрял, говоришь? Это нам и надо. Загибаю палец. «Поручить горсовету заняться благоустройством города».
— А все-таки надо председателя выволить из болота. Не сидеть же ему до утра.

— Гулякин, позвони в пожарную команду, чтоб людей послали.
— Не могу. У меня все пальцы загнуты. Позвони ты, Петькин!

Петькин, натываясь на стулья, добрался к телефону. Начал вертеть ручку и кричать в трубку:
— Станция! Станция! Чорт бы вас там побрал! Станция!..

Станция не отвечала. Заседание впотьмах продолжалось.

„ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ“

Рис. А. Толикова

Мелкие электростанции работают крайне плохо — с перебоями и дают низкий вольтаж.

— Туда, туда свети! Там где-то электрическая лампочка горит!

Г. РЫКЛИН

В весеннем квартале текущего хозяйственного года на одном из сибирских заводов молодая работница влюбилась в начальника цеха. Заявлялся пылкий роман, полный красноречивых вздохов, прелестных недоумков, робких рукопожатий, опущенных взоров и прочей очаровательной дребедени, которая нивесть откуда берется у влюбленных, бывших доселе нормальными членами общества. Признаться, авторы сих строк всегда удивлялись этому странному обстоятельству: этакий взрослый мужчина, серьезный работник, кося сажень в плечах, внезапно начинает краснеть, вздыхать, бриться, носить чистые воротнички и удивлять знакомых прочими подобными эксцентричными выходками. В глазах у него появляется этакий дьявол, руки начинают потеть, а волосы, нелепо торчавшие до сих пор чорт знает как, внезапно сами собой укладываются в очаровательный бобрин.

Примерно такая же ерунда произошла и с нашим начальником цеха с той только разницей, что любовная его лихорадка сказала и на его непосредственной деятельности. Он стал меньше уделять времени работе, раньше уходит из цеха, в мастерской повысился процент брака, над цехом нависла угроза получить рогожное знамя.

Тогда цехом собрал экстренное заседание, на которое вызвал смутившую покой начцеха работницу, и в пленарном порядке вынес следующее решение:

«В виду того, что выполнение квартальных заданий находится под угрозой, предложить т. Галкиной Анне воздержаться от любви к начцеху т. Максименко до завершения квартального плана».

Вот как! Лучшие умы человечества, его философы и поэты положили всю свою жизнь для выяснения этого деликатного и путаного чувства, мудрецы и полководцы запутывались, как птички, в тенетах любви, а тут единым махом заслушали и постановили — отложить означенное чувство до следующего квартала!

Этот случай голого администрирования в любви, своевременно описанный в литературе, впрочем, не единичен.

В прошлом месяце некто Яковлев, военный летчик, вернулся в Ленинград из командировки с Памира, откуда вывез, кроме значительного количества налетанных часов, молодую жену. Супруги поселились в старой комнате Яковлева по 8-й Красноармейской улице. Возможно, что их так называемая идиллия не была бы ничем омрачена, ежели бы в первые же дни не стряслось нечто, испоганившее все их молодое счастье.

В одно из утр управдом, в крагах, украинской рубашке и старомодной пелерине с бронзовыми застежками в виде львиных лап, с лицом, наспех перешитым из старой чиновничьей физиономии, вызвал к себе тов. Яковлева и укоризненным тоном заявил, что не может прописать так называемую его жену, ибо в жакте отсутствуют доказательства их супружеских отношений. Под доказательством супружеских отношений управдом разумел, очевидно, свидетельство загса, а, надобно сказать, что такового свидетельства у супругов не было по той простой причине, что в памирской глуши, в Хороче, откуда приехали Яковлевы, загса до сих пор не имеется.

Яковлев с супругой немедленно отправились в загс, но там жену отказались регистрировать как прибывшую из Памира и до сих пор не прописанную в Ленинграде. Тотчас же Яковлевы двинули в милицию. Но и здесь развели руками, посоветовав (совершенно серьезно!) ехать на Памир и ждать там, пока в Хороче будет организован отдел записи актов гражданского состояния. В ответ на объяснения Яковлевых, что на Памир уже не попадешь, так как по осеннему времени автомобильное и воздушное сообщение прекращено, в милиции тяжело задумались, посочувствовали и отказались решить эту невероятную задачу.

Иллюстрации
М. Храпковского

Жизнь повторила некий дьявольский круг, подобный описанному в свое время в «Костяной ноге», круг, из которого супругам выбраться было не под силу. Напрасно молодые ежедневно ходили в жакт, напрасно уверяли они, что жить

друг без друга не могу, жакт оставался глухим к их мольбам, отказываясь признать их незарегистрированную любовь. Наконец, когда Яковлева наотрез отказалась выехать из дома, а летчик пригрозил бесплатно обучить полету каждого, кто осмелится вторгнуться в их счастье, жакт смиловился и отдал распоряжение дворнику выяснить, имеют ли место супружеские отношения между означенными подозрительными жильцами.

Дворник Сергеич, кволий старичок, принадлежал к категории так называемых справедливых людей. Обладатель таких больших усов, что он мог их свободно зачесывать за ухо, он, однако, не возгордился этой игрой природы и честно выполнял свою

скромную роль в обществе. Получив задание управдома, Сергеич тотчас же ревностно стал выполнять возложенное на него поручение. По несколько раз на день он заходил в квартиру, где проживали Яковлевы, и, прикидываясь совершенно безразличным, пылливо нюхал воздух, как бы стараясь вынюхать из него роковую тайну. Завидя Сергеича, в чьих руках находилось их счастье, супруги тотчас же начинали с подчеркнутой нежностью целоваться, прыгать, как козлята, называть друг друга интимными кличками, всячески стараясь внушить Сергеичу, что супружеская любовь их чиста, как стеклышко.

Но дошлый Сергеич не клевал на этот крючок и, приходя к управдому, скептически сообщал:

— Целовались... Подумаешь! Нынче все, кому не лень, целуются...

— Давеча пусенькой ее называл... Поди, говорит, пусенька, поставь самовар... А она его кукочкой в ответ... Знаем эти штуки... Нас, брат, голыми руками не возьмешь... Мы в русско-японскую войну щей хлебали...

Неизвестно, сколько времени длилась бы эта адская зависимость от дворника, ежели бы однажды Сергеич не вошел к Яковлевым в момент, совершенно неподходящий, когда (всякое, видите ли, бывает в семейной, видите ли, жизни!) между супругами происходила небольшая ссора. В тот самый момент, когда гражданка Яковлева в сердцах обозвала гражданина Яковлева индюком или чем-то в этом роде, в комнату вошел Сергеич. Супруги поблднели. Все кончено! Все их замыслы полетели в бездну! Сергеич спокойно, не поведя бровью, оглядел комнату, нахохлившись лица супругов, незримые следы еще не рассеявшейся в воздухе перебранки, повел усами и молча вышел.

Вечером он решительно вошел к управдому.

— Состоят в браке, — сказал он уверенно. — Сомневаться не приходится. Ругались намеренно... Последними словами... Своими ушами слышал. Это, милый человек, примета верная... Целоваться каждый дурак сумеет... Нас, брат, голыми руками не возьмешь... Мы в русско-японскую...

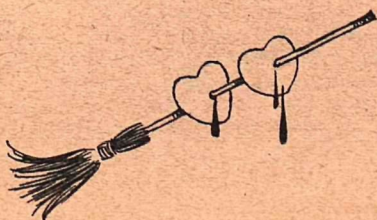
Тотчас же Яковлевы были вызваны в домовую контору, где в их присутствии Сергеич торжественно начертал: «Действительно приехала и живут вместе, состоя в браке, что подтверждает дворник Авдонин». С неопровержимой и бесценной этой цидулькой, Яковлевы обратились в народный суд, каковой «определил признать» брак Яковлевых.

Так счастливо окончилась эта история, в которой самым смелым и передовым человеком, лишенным ретроградных воззрений, оказался дворник, представляющий нам отныне не иначе, как с метлой и брандспойтом в руках и парой изящных розовых крылышек за плечами.

Что такое любовь? Это ветерок, шелестящий в розах!.. Такого мнения придерживался по этому вопросу небезызвестный Гамсун. Красиво, но легкомысленно. А зарегистрирован ли, с позволения сказать, этот самый ветерок в загсе? А есть ли на этом ветерке печать и подпись судебного исполнителя?

Хвала дворнику Сергеичу, единственному лицу во всей этой истории, не побоявшемуся открыто признать незарегистрированный брак! Слава смельчаку! Блажен тот, кто соединяет сердца!

БРАТЯ ТУР

ОТЧЕГО СКУЧНО

Представьте себе, что вы пришли к любимой девушке. Есть еще такие девушки на обширной территории Союза. Трудно определить их местонахождение, но они есть. И вы молоды. На вас ярко-синий оптимистический галстук, зеленые, раздражающие глазное яблоко носки, и в руках коробка со стандартным грушевым мармеладом, пахнущим рыбной костью и производственными жирами.

Вот вы пришли, смотрите в упор на любимое существо и спрашиваете пресными, человеческими словами:

— Катя (Анна Васильевна), любите вы меня? И вдруг существо отвечает вам ласково, но жутко:

— На 0,382 больше, чем в прошлый квартал. Смушенно вы спрашиваете:

— Как это понимать?

— С точностью до одной тысячной, — задумчиво отвечает Катя (Нина Павловна), — учтите 0,42 давности наших отношений, прибавьте 0,841 общности взглядов, минус 1,6% вашего характера — вот и получится.

Озадаченный такой пунктуальностью, вы срочно прибегаете к освоению классического наследия. Вы садитесь рядом, берете Катю за руку, как их брали за руку в проклятом прошлом, прислушиваетесь к ориентировочному соловью за окном и начинаете гудеть назойливо-идеалистическим голосом:

— Ах, не понимаете вы меня, Катя.

— На 8,32 меньше, чем в отчетном году, — соглашается ваша собеседница, — на текущем отрезке времени в вас на 0,72 больше загадочности.

— Так. 0,72. Хорошо, запомню. А мама у вас дома?

— Количество мам в текущем квартале идет на снижение. В наличии имеется лишь 0,32% человеко-папы, в соотношении, как 4:1, к младшим братьям. Говорите тише.

— Шопотом?

— Не совсем. Можете на 2,0523 ниже нормального голоса в ЦЧО.

— Может, вас поцеловать можно, Катя?

— Не стоит. Учтите нормальные 34% слухопроницаемости стеной фанеры, подкиньте 21% отцвечиваемости в нашем районе, разложите остальные 45% на приходящую в комнату домработницу, — что мы имеем на данный отрезок времени? Мы имеем...

Скажите по-совести, — захотите ли вы дальше продолжать такой разговор. И не вздумается ли вам немедленно же затопать мокрыми калошами по асфальту реконструированного города в обратном направлении от такой девушки.

Теперь представьте себе, что вы не молоды. Это очень легко представить при помощи нормального стандартного паспорта. На вас тусклые носки с вылезавшими нитками. Унылый галстук, напоминающий повесившегося осенью гробовщика. И вы не интересуетесь Катей.

Вы интересуетесь всем, что полагается на долю пытливого полноправного гражданина Советского Союза.

Вас волнуют газубежища и сиреневые посадки. Безинные будки и стадионы для городошников. Номерки на домах и проблема украшения трамвайных павильонов лепными изваяниями любимых газетных поэтов. Каждый имеет право временно сузить свое мышление и предвидения географическим масштабом данного района. Допустим, наконец, что у вас беспокойная натура и вы хотите знать, будут ли вас отапливать зимой. Вы волнуетесь о бане. И не знаете, снесут ли томящиеся против вашего дома остатки конного базара или признают их исторической ценностью и увенчают лаврами.

Вы идете на выборное собрание. Вы хотите знать, что уже сделано по вашему району и что намечается. Вы, как наивное дитя, тянетесь ручонками к утилитарному познанию окружающего. И вот вас начинают хлопать по этим ручонкам узловатыми, распухшими в воде цифрами.

Отчитывающийся мужчина с путаной внешностью бывшего Николая Чудотворца, поступившего в шоферы автобуса, сразу ставит вас и вашу любознательность на место.

— Что мы имеем? — спрашивает он тоном холодного бульона, капающего ночью из треснувшей миски. — Мы имеем 0,832 санитарных улучшений, 1,322 человеко-уборных на взрослую душу, 21% сдвига против цифр прошлого года о коммунальных удобствах и среднюю цифру 11, говорящую о борьбе с пожарами и другими неполадками.

Вы уже сбиты с ног. Вам все равно не догадаться, куда вложена ваша мечта о сиреневых

посадках — в число ли человеко-уборных или в 21% сдвига. И неизвестно, предусматривает ли цифра 11 и газубежища или она касается сноса остатков конного базара. После некоторого промежутка бессознательного состояния вы смелеете, легкий порыв активности поднимает вас со стула, и вы спрашиваете:

— А как насчет киосков с водами?!

И слышите в ответ:

— В нашем районе на 0,942 человеко-ситро приходится почти 212 часо-нарзана. Морсопропускаемость нашего района минус вафленасыщенность равна почти 0,3251. Чего вы еще хотите?

После этого вам сразу становится грустно. Вы перестаете верить в себя. И вам, как уже в рассмотренном нами ранее случае, хочется затопать мокрыми калошами по асфальту родного города куда-нибудь дальше. Туда, туда, в родные горы. Или в кино.

Наполеон первый согрешил мертвой цифрой.

Подведя свою армию к египетским пирамидам, он, как известно, сказал:

— Солдаты, сорок веков смотрят на вас с высот этих пирамид.

— Сорок? — удивились опытные пехотные мародеры, — так мало? Ну, за всеми им не уместиться!

Рассказывать о дальнейших применениях мертвых цифр в истории не будем. Упомянем только, что в буржуазной науке мертвую цифру лелеяли, как пухлого первенца в домовитой семье.

Немецкий экономист Вернер Зомбарт, например, писал свои книги так, что его не читали, а считали. Левой рукой водили по строчкам, а правой — отщелкивали каждую строчку на счетах.

Обалдевший студент, заканчивая страничку Зомбарта, сипло подытоживал свои мысли:

— Итого 378.224. Не считая 0,3 в остатке.

Зомбарта господь-бог наказал. Он теперь в фашистском лагере. Но бывший всевышний ничем не компенсировал европейских студентов, загубивших на Зомбарте свои мыслительные способности.

У нас в дореволюционных университетах мертвыми цифрами загоняли молодежь в полное небытие.

Студенты заучивали наизусть цифры средних атмосферных осадков в Австралии, точные данные о числе последователей Конфуция в Китае и процентные соотношения между ассирио-вавилонскими колониями. А окончив университет, приобщали Австралию к Скандинавским странам, Конфуция — к другим предместьям Парижа, а Ассирия надолго застревала у них в памяти, как жена Вавилона.

Откуда пришли мертвые цифры к нам, как они влезли в нашу жизнь, проследить не легко. Печально то, что они есть.

В детских книжках мы пишем:

«Увлекательны для юного натуралиста индийские джунгли! Вот лиана толщиной в 0,472 см, вот змея, достигающая 4,08 м, вот попугай, красные и зеленые, в соотношении 4,5:1,07, а вот и 37% болотных растений, в которых скрывается почти 0,76 индийской фауны!»

А когда у нас наступает время выборов...

Впрочем, об этом мы уже писали. И пусть читатель не подумает, что мы хотим в этих скорбных строках запальчиво осмеять неопытных докладчиков. Пусть существуют. Но мы против мертвых цифр, угнетающих любознательные массы.

— Что же делать с цифрами? — спросит испуганный читатель.

А очень просто, — ответим мы:

— Что мы имеем на сегодня? 0,82 сухих докладчиков на 0,32 избирателя, минус 1,027 пресных цифровых сводок на 0,37 душ читателя, плюс соотношение 3,05 в области живого материала о коммунальной работе. Остальное — ясно.

АРКАДИЙ БУХОВ

РУБЛЬ ЗА ШТУКУ

Повидимому, работники Западносибирского крайисполкома настолько убеждены в совершенстве собственной деятельности, что настроены принципиально против жалоб.

Тебя лишили избирательных прав? И ты не согласен, протестуешь, пишешь заявления? Напрасное занятие!

Во-первых, ты неправ, а, во-вторых, мы твоего заявления и читать не будем.

Короче говоря, во время чистки партийной организации крайисполкома было установлено, что в просторных крайисполкомовских канцеляриях сложены штабелями, как дрова, пятнадцать тысяч жалоб на неправильное лишение избирательных прав. Некоторые жалобы поросли мохом и плесенью, ибо лежали без движения долгие годы.

Начались ахи, охи, отмежевывания, раскаяния и уверения в том, что этого больше никогда не

будет. Пока виновные били челом, упражняясь в покаянном искусстве на заседаниях комиссии по чистке, был издан приказ о том, чтобы означенную «жалобную пробку» ликвидировать незамедлительно!

Хорошо, надо ликвидировать. Но как? Ведь заявлений-то, шутка сказать, пятнадцать тысяч!

Был объявлен по крайисполкому своего рода аврал. Созвали всех способных носить оружие, т.е. читать по-писанному, и в руки их вручили судьбу 15 тысяч людей.

Вначале дело шло вяло. У всех враз объявились неотложные дела, какие-то страшно ответственные заседания; родственники выделенных для чтения заявлений работников крайисполкома стали болеть прилипчивыми болезнями, — словом, штабеля жалоб, невзирая на то, что время шло, не уменьшались в своих размерах.

Тогда решили пустить в ход элемент поощрения. Было объявлено:

— Будете получать по одному рублю за каждую прочитанную жалобу.

О! Неотложные дела были отложены, заседания прекратились, родственники перестали болеть, штабеля жалоб начали таять, как вешний снег.

Дело оказалось выгодным и нетрудным. Бро-сишь искрометный взгляд на бумажку, напишешь в уголке «отказ» — получишь рубль. Еще взгляд — еще рубль. Некоторые прилежные работники ухит-рялись до ста заявлений в день разбирать.

Очень выгодная профессия!

... Тает гора жалоб в крайисполкоме в результа-те могучих усилий новосибирских рубленскателей.

Н. НИКОЛАЕВ

САМОУТЕПЛЕНИЕ

Рис. Б. Малаховского

1 — Итак, товарищи, кто за ремонт отопления в нашем доме, подымите руки!..

2 — Так... Опустите!..

3 — Кто за вставку стекол?..

4 — Опустите!..

5 — За ремонт крыш?..

6 — Довольно!..

7 — Ну вот и согрелись теперь, товарищи!..

О ЧЕМ РЫДАЛИ ЯМКИ

Конечно пришли коллективы организованных трудящихся. Школьники пришли железными колоннами. Под балконом духовой оркестр пожарной команды марш играл, польку-кокетку и тому подобное. А с балкона Василий Васильевич — председатель рика — речь сказывал.

— Так, мол, и так, — сказывал Василий Васильевич, — городок у нас ничего, улицы широкие и названия у них подходящие. А вот ходить по ним не то что неудобно, а прямо, скажем, страшно. С опасностью для жизни пользуемся мы нашими улицами. На прошлой декаде чуть колхозник один не утонул в луже. А товарищ Прокопчук, — тут Василий Васильевич указал на заведующего коммунальным хозяйством, он рядом с ним на балконе стоял, — так тот уже который день языка лишился, и как он на районном съезде докладывать будет о благоустройстве, ума не приложу. А почему языка лишился? А потому, что, когда он на машине по коммунальным делам ехал, его так на ухабе подбросило, что он, извините, головой о потолок стукнулся и в суматохе откусил себе язык.

Товарищ Прокопчук, конечно, с балкона что-то мычит и головой мотает. Дескать, правильно председатель информирует.

Василий Васильевич речь свою вскорости закончил. Объяснил, что назрела проблема мощения улиц, что деньги область на это отпустила, а поэтому общегородской субботник по замощению проспекта Красных Кооператоров он считает открытым.

(Которым гражданам неизвестно, что такое проспект Красных Кооператоров, сообщаем: это та улица, которая протекает мимо райисполкома, — главная наша улица).

Закончил Василий Васильевич свою краткую, но содержательную речь и взволнованно кричит: — Ура, товарищи и граждане! За лопату, товарищи и граждане! За носилки!

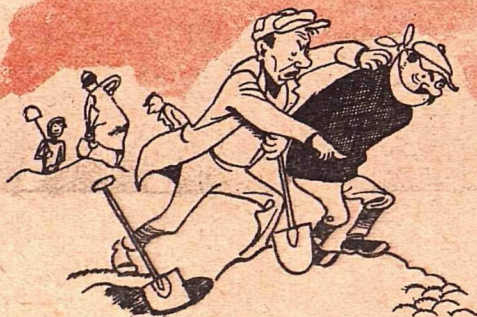
С этим криком председатель спускается с балкона на улицу со всем налицым составом президиума, и все берется за лопаты и носилки. Оркестр, конечно, взволнованно играет туш. Трудящиеся разместились по всей длине проспекта, разбились на бригады, друг дружку на соревнования повызывали, и работа закипела.

Очень удачный имел состояться субботник. Работу распределили так: которые трудящиеся землю должны были вскапывать и подравнивать и которые на носилках булыжник и щебень таскали.

Только две минуты прошло, как работать начали, бегут к председателю из третьей бригады: невозможно, докладывают, дальше копать. Дальше очень уже грунт твердый. Чистая скала, а не грунт.

Еще прошла минута, бегут из восьмой бригады. То же самое докладывают. А вскорости и у самого Василия Васильевича лопаточка обо что-то твердое лягнула. Он еще малость покопал. Потом остановился вдруг, побледнел, закачался и страшным голосом закричал:

— Где Прокопчук? Подать сюда сию минуту Прокопчука!

Тут, конечно, подбегает Прокопчук, очень взволнованный и руками делает вопросительные знаки: в чем, мол, дело и почему такие страшные крики?

А председатель его прямо за шиворот хватая и носом в вырытую ямку тычет.

— Отвечай, — кричит он Прокопчуку страшным голосом, — отвечай, что ты в данной ямке видишь? Я в вашем районе второй месяц, а ваших порядков не знаю. Отвечай немедленно, товарищ Прокопчук, где такое правило напечатано, чтобы над одной готовой мостовой другую возводить?

Услышав эту интересную информацию, все грудящиеся ахнули, бросились к своим ямкам и видят: действительно вырисовывается под засохшей грязью хорошая булыжная мостовая.

Тут вылезают из своих домов местные старожилы и немедленно вспоминают, что да, действительно, лет тому назад пять-шесть был проспект Красных Кооператоров при огромном стечении народа замощен чудным булыжником. Потом мостовую, конечно, занесло грязью, и они о мостовой забыли. А теперь, когда отрыли мостовую, они, старожилы, припоминают, что да, действительно, была мостовая.

— Это я сейчас и без вас вижу, что была мостовая, — кричит Василий Васильевич, а на са-

мом и лица нет. — Ты скажи, товарищ Прокопчук, куда мне сейчас от сраму деваться? Над нами сейчас вся область смеяться будет, что мы поверх одной мостовой собирались еще одну возводить. Да еще оркестр музыку играл. Отвечай, товарищ Прокопчук, почему как заведующий коммунальным хозяйством не докладывал мне о старой мостовой?

Прокопчук по причине распухшего языка словами объяснить не может, а на бумажке карандашом пишет: дескать, ни в чем не виноват, ничего о мостовой не знал, так как в данном районе работаю всего третий месяц.

— А ты, Петр Афанасьевич, чего не досмотрел, — начал тогда кричать председатель райисполкома на секретаря рика товарища Каликина. И что же? Оказывается, что и товарищ Каликин в районе недавно — всего четвертый месяц.

Что же касается остальных членов президиума рика, то они, конечно, в нашем городе давно работают, только вот они все последнее время за чертой города находятся, в разъездах: уполномоченными сидят в селах по разным кампаниям и в последний раз были в городе в самом начале уборочной. Так что они, может быть, и сказали бы о мостовой, если бы у них спросили. Да никто у них не спросил. Далеко было ехать спрашивать.

Повольновался еще немножко Василий Васильевич, а потом вошел в норму и распорядился продолжать субботник. Тут снова заиграла музыка мазурку Венявского, трудящиеся и члены их семей с энтузиазмом взялись за лопаты и носилки, и к вечеру очень довольные граждане гуляли уже по чистой мостовой безо всякой опасности для жизни.

А на другой день является в рик секретарь Автодора Петька Седых, Ивана Петровича Седых сын, и докладывает, что старожилы припоминают будто и на Краснозачатьевской улице и на Сермяжной была когда-то мостовая. Ручаться старожилы не ручаются, но помнится, как будто мостовая была.

Тут, конечно, быстрым манером организовали новый субботник. Опять музыка играла. Опять трудящиеся на бригады разбились и друг дружку на соревнования повызывали. Плюнули на лопатки и с энтузиазмом начали копать.

Час копают. Два копают. Нет мостовой. Уже обе улицы в дым разрыли, а мостовой все нет. Что делать? Пришлось с проспекта Красных Кооператоров заготовленный булыжник и щебень срочно перевозить на Краснозачатьевскую и Сермяжную и немедленно замащивать разрытое пространство. Это уже Петька такой выход нашел.

Так что теперь у нас в городе Незамайске уже целых три улицы мощеных.

А Петька Седых за обман рика, будто ему старожилы про мостовую сказывали, выговор получил. Обманул-таки, сукин сын. Только Петьку этот выговор вовсе не огорчил. Ходит, подлец, гордый. Я, говорит, в интересах Автодора сознательно ото всей души на выговор пошел.

Чудак!

Л. ЛАГИН

— Замечательно! Зайду во дворец и, кстати, по дороге сдам норму по прыжкам и плаванию!

СКИТАНИЯ ИВАНА БОРОВКОВА

После долгих обсуждений
Избран был предсельсоветом
Боровков Иван Сергеевич,
Бывший красный партизан.

Он три раза премирован,
И районная газета
Написала про него.
Но прошла зима, и снова

Он взялся без промедленья
За работу в сельсовете
И с утра до самой ночи
Все налаживал дела.
И за две или три декады
Оживил он всю работу.
Закипела в сельсовете
Большевистская борьба
За финансовые планы,
За благоустройство яслей,

Боровков был переброшен
Как талантливый работник
Оживлять работу в ГОРТ...

За ремонт текущий в школе,
За строительство дорог.
Но чрез месяц Боровкова
Отозвали из совета,
И избрали Боровкова
Председателем сельпо.
Он взялся с энтузиазмом
За торговую работу,
Изучал балансы, акты
И текущие счета.

Так кочует по району
Боровков Иван Сергеевич
С сундучком, с портфелем, в
кепке,
В рыжевatom пиджачке.

Он связался с межрайбазой,
Раскачал актив и даже
Вскоре стал специалистом
По закупке кожсырья.
Но прошли две-три декады,
Отозвали Боровкова
И в порядке дисциплины
Был назначен он в совхоз.
Как заведующий фермой

Он сегодня в здравотделе,
Завтра он заврайсберкассой,
Послезавтра выполняет
План закупки льнопеньки.
И уже несутся слухи,
Что его бросают снова
Председателем совета
В то же самое село.
В предварительном порядке
Он уже вникает в дело,
Он уже сложил пожитки
В свой солдатский сундучок.
И когда никто не видит,
И когда никто не слышит,
Он мечтает о работе,
Чтоб на ней работать год.
Или два. Без перебросок.
Без нелепого мотанья.
Без переквалификаций
Каждый вторник и четверг.

РОЛАНД ИВАНОВ

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ

Эту страничку, составленную по фактическим данным, «Крокодил» посвящает консультации маломощным избиркомам на всякий случай. Для того чтобы не было никаких кривотолков, помещаем весь отдел в форме недоуменных вопросов и вполне популярных ответов.

ВОПРОС. Следует ли уничтожать фотографов как класс?

ОТВЕТ. Не стоит. Конечно фотография очень загадочное занятие, тем более требующее еще абсолютной темноты в некоторых своих производственных моментах, но любой фотограф всегда может перековаться в хорошего гражданина.

В этом сложном вопросе не следует полагаться на практику Калистанского сельсовета, который лишил избирательных прав некоего гражданина Д. Юрченко «как бывшего фотографа». Впрочем упомянутый сельсовет лишил голоса и гр. И. Копылу как «бывшего умалишенного». Повидимому, там внесены некоторые поправки в советскую конституцию, о которых мы еще не знаем.

ВОПРОС. Какова роль царских жандармов в текущей избирательной кампании?

ОТВЕТ. Не затрудняясь, охотно отвечаем: весьма не существенная. Только в одном городе Житомире они восстановлены в правах, да и то не в качестве исключения. По житомирскому толкованию инструкции о выборах, правом голоса могли бы воспользоваться и лица бывшего царствующего дома, но так как таковых в отдаленном Житомире не оказалось, гроза миновала. Поясные портреты житомирских законодателей нами срочно заказаны.

ВОПРОС. Как насчет детей?

ОТВЕТ. Прямо скажем — не важно. Особенно с не достигшими одного года. В остальных местах сами не идут на выборы, а в Еркеевском и Боготупновском сельсоветах все дети упомянутого возраста внесены в списки лишенцев.

В Парадинском сельсовете (Удмуртская область) учителя, агрономы и ветврачи тоже не внесены в списки избирателей.

Приходится верить. Во имя чего же стали бы врать неопытные младенцы?

ВОПРОС. Неужели это может быть?

ОТВЕТ. Мы сразу поняли, что вы намекаете на докладчика в совхозе «Красная звезда» (Аткарский район) гражданина Сучкова. Действительно было. Пришел, выпил стакан воды, икнул и не смог докладывать. Очевидно, до этого пил без закуски. Потом, когда избирателей спросили, что они вынесли после собрания, последние без особого энтузиазма ответили:

— Докладчика вынесли. Да и то в самом начале.

ВОПРОС. Как следует составлять формулировки?

ОТВЕТ. Ясно, кратко и эффектно. Как например Новониколаевский сельизбирком точно выразился о некоем Кочубее:

— Лишен за прошлое.

— Кто виноват? — спросит вдумчивый читатель.

— А. С. Пушкин, — тихо ответим мы. — Не он ли писал: «Донос на гетмана-злодея царю Петру от Кочубея».

Может, это тот самый Кочубей и был. Снюхался с царями, а теперь в избиратели лезет. Какая же тут нужна формулировка?

ВОПРОС. Что вы можете сказать о шахтовладельцах?

ОТВЕТ. В смысле бытовых условий и, так сказать, коммунальных услуг недурно устроены шахтовладельцы в Англии. В Америке тоже некоторые не жалуются на стол и квартиру. Не плохо живется и некоторым шахтовладельцам в Шахтинском районе, где один из них был обнаружен в сельском избиркоме. Так что жаловаться не приходится.

ВОПРОС. Можно ли верить в сверхъестественное?

ОТВЕТ. Вообще не стоит, а иногда приходится. Вот, например, жуткий, чисто кладбищенский случай в Славянском районе, где Ивановский сельсовет среди белого дня лишил голоса 43 покойников. Дайте к этому немного луны, несколько скромных саванов и легкое постукивание костей, получится типичный рождественский рассказ 1892 года.

Но еще более жуткий случай произошел в Ганджинском сельсовете (Удмуртия) и не с покойниками, а с живыми людьми. Да еще с женщинами. Для того чтобы не томить долгими подробностями, скажем прямо: Среднепостальский сельсовет вывел из своего состава всех женщин, имеющих грудных детей.

А вы спрашиваете, верить или не верить? Ничего не поделаешь. Приходится.

ВОПРОС. Откуда происходит танец?

ОТВЕТ. Редакции адрес неизвестен. Помиримся на том, что танцы как таковые чрезвычайно увлекательное занятие. Вот, например, в Новоанненской МТС отчетное собрание сорвалось из-за того, что все ушли в народ на танцульку. Вы, конечно, сами понимаете, что откуда бы ни происходил танец, — от обезьяны или от сырости, — все равно это сплошное безобразие.

ВОПРОС. Как писать письма в обллизбирком?

ОТВЕТ. Четко, грамотно, лучше на одной стороне листа. Затем заклеиваете написанное в конверт и, если дело касается Харьковского обллизбиркома, кладете письмо в карман. Посылать не стоит, — все равно не дойдет. Так, например, когда Опошинский рик послал заявление Харьковскому обллизбиркому, то письмо, побывавшее в почтовом отделении облисполкома, вернулось обратно за ненахождением в Харькове обллизбиркома. А вы еще спрашиваете! Стыдно, молодой человек!

ВОПРОС. Почему?

ОТВЕТ. Повидимому, в Коростенском районе (Украина) существует своя теория ориентировочно бесклассовой районной избирательной комиссии. Поэтому в нее и введены и бывшие под судом и бывшие торговцы. Мы здесь не при чем. Мы сами удивляемся.

— Ты что это против мужа голосуешь? Дома не ладить с ним, что ли?
 — Не дома, а на дворе колхозном не ладим, я же его бригадир!

ДЕЛЕГАТ ОТ КЛАССИКОВ

...В большой комнате становилось шумнее и шумнее. Классики выбирали делегата в Моссовет и составляли наказ.

— Предлагаю Салтыкова-Щедрина!

— Нельзя. От него кожа да кости почти остались. Весь израсходован на цитаты.

— Гоголя! Гоголя!

— Нельзя! Зайят! Под него девять беллетристов пишут.

— Пушкина! Сашу!

— Его раскулачили! Последнее кафе отняли.

— Чехова! Чехова! Антон Павлович, где вы?

— Нет его. Его Мейерхольд переделывать унес... Уже в милицию звонили.

— Островского!

— Куда там! Халтурит для семи театров. Оставьте его в покое, не срывают советского репертуара!

— Нужно созвучных эпохе. Возьмем кого-нибудь из «Академии» — Геракла, Патрокла или Дамокла.

— Патрокла с суперобложкой!

— Дамокла с примечаниями!

Предлагали Гончарова, Державина, Лейкина и Карамзина. Кто-то в отчаянии предложил Святополка Окаянного, но, оказалось, что он перегружен, так как уже шестой год диктует мемуары для «Литературного наследства». Решили вопрос о персональных кандидатурах отложить и перешли к наказу.

— Поручить товарищу Семашко изобрести книгопечатание и освоить его для улучшения производства.

— Соединить каналами Жарова и Алтаузена, — пусть втекают друг в друга, не беспокоя местное население.

— Ивана Евдокимова отправить на Парнас или в другое место, где нельзя издаваться!

— В виду зажиточной жизни переименовать М. Голодного в М. Гастронома. Ивана Батрака — в Ивана Колхозника!

— Воскресить А. Вербицкую. Пусть тоже пишет фельетоны о Жозе и пусть их дискутируют, если это необходимо. А. Кассиль тоже может оставаться.

— В новом Доме книги открыть комнату смеха. На стенах расклеить «Литературную энциклопедию».

— Вывесить на людных площадях портрет живого человека с правом описывать его в романах.

— Запретить делать праздничные стихи из крашеной фанеры и рубить их на короткие строки.

— Перевести критические статьи И. Гроцкого на древнегреческий язык. Пусть древние греки терпят. Чем мы хуже их?

— Поставить памятник Б. Пильняку и перевести его на русский язык.

— Переименовать литфонд в «Убежище для непишущих».

— Возглавить ярость масс против иллюстраторов Огиза.

— Из'ять литавры и бубны из «Литературной газеты» и передать их в распоряжение клубных оркестров.

Наказ рос вширь и поперек. Классики напирали друг на друга. И когда уже кончалась четвертая страница, Грибоедов наклонился к Толстому и шепнул:

— Может, насчет вас что-нибудь упомянуть, Лев Николаевич?

— Бросьте, — сердито отмахнулся тот, — еще Мих. Булгаков услышит — переделает...

Вечерело.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

КРУШЕНИЕ БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА

ЯВЛЕНИЕ ДЕПУ

Рис. К. Ротова (по картине Иванова „Явление Христа народу“)

Собрались... Народ больше все сборный: кустари да хозяйки. Не сказать — брак, но и не первый сорт — не на фабрике.

Организованности такой нет: кто по карточке, кто под свою ответственность кушает. Разные.

А докладчик — Ведеркин. От горсовета.

Мы его во-от таким знали.

Бывало прибежит:

— Дядя Мить! У примуса ото щей запор слезался.

Ну, муж прочистит... А потом: и пошел и пошел. В горсовете четыре года работает.

— Ну, верно работа не по нем. По его голове ему бы пол-Москвы обрабатывать, а у нас всего — ничего, одиннадцать тысяч жителей.

Дело-то и стоит. Есть там кроме него люди, но до Ведеркина далеко. Этот — международной солидности человек.

Оттого и все безобразие.

Вчера прихожу в лавку:

— Почему, говорю, вы — продмаг, а такое в рыбе притворство поощряете: на банке — бычки, а в банке — судак?.. Советская кооперация, а в таком инциденте замешана.

А он мне в лицо:

— Да вы сами-то, говорит, давно ли свою фамилию переменили?

А мы — верно: Щупкины на Касаткины выменяли.

А уж во дворах, в бане, в больнице что делается! — в пору на перевыборах рассказать..

Вот только в клубе порядок. Клуб сам Ведеркин ставил.

И женщину дельную подобрал, и это тебе: ни книг, ни шашек, ни шахматов; один оркестр трубный. Сидит и похоронный марш на себе играет: к очередному покойнику готовится.

О красном покойнике большая забота есть... Мой дядь, на что упористый человек, и то попу высказал:

— Исповедаться у тебя, говорит, исповедуюсь, а уж от дому — по-ихнему. Во всем красном поеду.

Собрались.

Президиум — на местах; вот так справа — Ведеркин.

Обстановку по-настоящему справили. Кругом — кумач, графин и два стакана: кто понахальней — воспользуется...

Народу много, смеются.

— Мы его попоим!.. Мы т-тебя погоняем!!

И уж, вижу, записки пишут. Мой муж тоже карябает.

А вместо того Ведеркин всех в оборот взял.

Уж он нас гонял-гонял... Уж он нас крошил-крошил... Я и таких слов не слыхивала.

На записки так дерзким взглядом взглянул и — рукой, как муху. А потом — прямо в напор, в публику: я даже отстранилась.

— Кому, говорит, граждане, про общесоюзное, а кому про уборные рассказывать?

Молчок.

От берега отмахнулся и поплыл. И поплыл.

Он тебе: и Кузбасс, и Донбасс, и Турксиб, и Мосфил... не то что нашему городу, а Москве всего не поднять... И все — цифрами...

А тут еще тетка, старушка: добровольцем при нас пошла — у ней колодезь попортился... Слышит, про канал пошел — про воду значит:

— Сейчас, говорит, моя очередь.

А он, напрямик:

— Моя, говорит, теперь задача — дать воду Караганде.

Кто такая?..

А тетке фамилия — Жарикова... Ей худо и сделалось.

Слышу, что кум на дрезине через пустыню ездит, а чей кум, — потом объяснили: не кум, а Каракум, на советской резине больше десяти тысяч верст проскакал.

Проснулась, кричат:

— Довольно!! Пусть по наказу отчет дает...

— Товарищи, — председатель звонит, — неужели вы про бокситов ничего знать не желаете?

— Знаем! Из Турции приехали на английский манер морду бить.

А кто кричит, — легкую посуду делают.

Шум, крик, трезвон... Председатель через всех:

— Товарищи! Вы напрасно звучными выражениями швыряетесь. Задача выборов — не прит-

... И в баню однажды пришел депутат
И действий своих он узрел результат.
Кто мылся в той бане, — дождался беды:
Районная баня была без воды!

В той бане был холод, отсутствовал жар,
И лишь изо рта возносился там пар...
Особая в бане районной черта:
И в ваннах и в шайках там нет ни черта!

ти отблещаться: товарищ Ведеркин ваше самознание поднять может.

— Довольно! Образованные!

А он, Ведеркин, стоит, как памятник на могилке.

Поднял вот так руку и говорит:

— Еще, говорит, товарищи... я вам про хибинские апатиты рассказать должен.

С акцентом так выразился — «апатиты».

А люди — кой-кто с обеда не жрамши. И пошло.

Спасибо, председатель привычный: до скандала не допустил.

— Вот оно, говорит, кустарное ваше образование, граждане. Товарищ Ведеркин с вами последними удобрениями делится, а вы на него, как псы, кидаетесь. Довольно вам стыдно, товарищи!

— Теперь, — говорит Ведеркин, — товарищи, нам еще что осталось? Ясно — международное положение.

И — рысью.

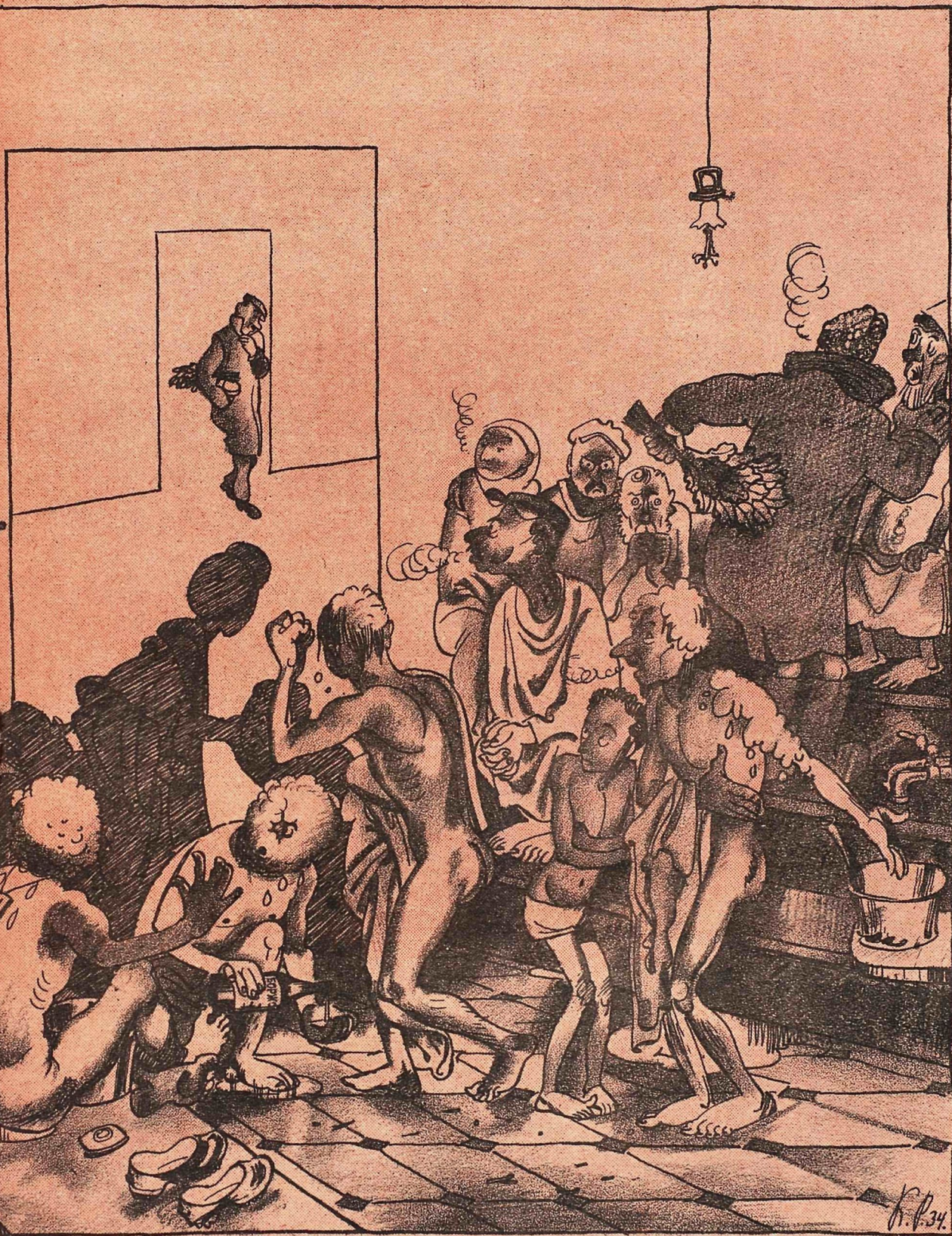
Ну, видят, — его на родной земле не взять, а на заграничной и вовсе. Кто посмелей, — к двери.

А он нам и говорит, — я эти его слова запомнила.

— Товарищи, говорит, это дело прошлое... Но только ситуация у нас была такова, что кой-кто из нас не знал, чем это все дело кончится: дадут наши враги закончить нам первую пятилетку или не дадут?

— Закончили! — кричат. — Ты-то вот городскую уборную чего консервируешь?

А он, как полпред. Ни стону.

ЦЫГАНСКИЙ
БАРОН

И руки народ к депутату простер,
И в гневе воскликнул: — Лентяй! Бузотер!
С тебя мы собьем разгильдяйскую спесь!
Не баня — пустыня безводная здесь!..

— Товарищи. Вы, говорит, следите... Я лицом на восток не зря оборачиваюсь... Не зря к ним оборачиваюсь, товарищи.

Тут все и притихли.

— Не натягивайте, — говорю им, — нашего терпенья... Да. Не натягивайте.

А ему все, как один: — «Правильно»... — а кто — и в ладоши.

— Ээ, — говорит муж, — зря его на внешнюю политику выпустили. Теперь его назад в уборную ничем не загнать: вывернулся.

А Ведеркин вроде как скромный человек!

— Я, говорит, ваше одобрение беру не к себе, а к нашей доблестной Красной армии.

Они ему того громче.

— Урра-а!..

И с веником, молча, стоял депутат,
Едва уцелевший от крепких цитат.
Распарен и красен он был — почему?
Горячую баню задали ему!..

— А еще, говорит, есть одна держава на Западе, имя которой мы с вами очень хорошо знаем... И усмехнулся.

А ему:

— Ясно, — кричат, — товарищ Ведеркин. Не подкачаем.

— Пошли, — говорит муж. — Теперь зачет по чужим землям сигать. Гляди, еще на вторую пятилетку выберут.

Ан, нет. Не выбрали.

Жалко, я от резолюции клочок оборвала, — племянник принес:

«Одобряя внешнюю политику т. Ведеркина, поставить ему на вид срыв целого ряда новостроек, в том числе бани и уборной».

Какого великана свалили!

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

Все здание по самую макушку закутано в красный сатин. В вестибюле стоят музыканты из милиции и, страшно раздувая могучие щеки, беспрерывно жарят марши и «встречи». Представитель избирательной комиссии на площадке лестницы приветствует каждого избирателя гостеприимной улыбкой и беспокойно ласковым взглядом:

— Прошу сюда-с! Направо. Сюю минутку-с начнем!

Поднимаясь по нарядной лестнице, избиратель, — размышляют организаторы столь пышного собрания, — неминуемо должен размякнуть от обилия лозунгов, красной материи и елочной хвон. А ежели его еще придавить бесплатным чаем с бутербродами, то и вовсе охладится его, избирателя, самокритический пыл. Впрочем другие видные специалисты по устройству собраний возражают против бутербродов. Они указывают, что наблюдались случаи, когда избиратели, закусив, с удвоенными силами набрасывались на отчитывающихся ораторов.

В общем, организация отчетного собрания — дело тонкое. Попасть в самую точку довольно трудно. Поэтому небезынтересен опыт Семипалатинска.

10 ноября на пять с половиной часов вечера в здании городского театра было назначено отчетное собрание Семипалатинского горсовета. В пять возле театра собрались избиратели, человек пятьсот-шестьсот. На дверях театра висел пудовый скучный замок, никаких признаков жизни в театре не наблюдалось.

Народ все подваливал да подваливал, а двери театра продолжали оставаться закрытыми. Лагерь избирателей стал таять. Оставшиеся развлекались, как могли. Пели хором. Кто-то протанцовал. Театр не открывался.

Наконец откуда-то из подворотни извлекли заместителя директора театра Дегтярева. Он был розов и заспан.

— Какое собрание? — лепетал Дегтярев. — Никто со мной не говорил о собрании. У нас сегодня оперетка «Цыганский барон», а не собрание.

Смушенная уполномоченная избиркома Копылова бросилась к телефону звонить на квартиры к талантливым организаторам собрания. На улице продолжалось интенсивное таяние лагеря избирателей. Наконец двери театра распахнулись, и жалкие остатки лагеря заняли места. Был уже седьмой час.

Докладчик от горсовета Буравцев начал отчетный доклад. Когда он дошел до захватывающего раздела «увеличение числа световых точек на улицах Семипалатинска, избиратели, сидевшие в первых рядах, услышали громкий шопот Дегтярева, высунувшегося из-за кулис.

— Буравцев! Голубчик, короче. Сжимайтесь, товарищ Буравцев. У меня же ж «Цыганский барон». Все билеты проданы. Публика уже волнуется.

Буравцев стремительно помчал доклад под уклон.

Начались прения. После выступления третьего оратора в президиум от Дегтярева поступила взволнованная записка.

«Ради бога, короче. Актеры уже гримируются. Вы срываете мне опер. «Цыг. бар.» Все бил. прод.».

Когда выступал шестой оратор, Дегтярев прислал новую записку.

«От имени балета и хора предлагаю прекратить прения. Пришли музыканты. Все бил. прод.».

И точно — за кулисами раздавались душераздирающие звуки настраиваемых инструментов. Певцы пробовали голоса, прочищая горло.

— Горсовет не уделял достаточного внимания городским баням, — надрывался десятый и последний оратор на сцене.

А из-за кулис доносилось:

«Я цыганский барон,
И в цыганку влюблен».

Граждане и гражданки с билетами на «Цыганского барона», проникнув в зал, громко кричали «времечко» и стучали ногами. Вняв воплям заместителя директора театра, председатель закрыл собрание. Самокритика отцвела, не успев расцвести.

...А вы говорите — бутерброды, сатин, гостеприимные улыбки на лестнице! Зачем? Можно и без бутербродов. По-семипалатински. Экономно, просто и в самую точку!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НЕЗНАКОМЫЙ ДОМ, ИЛИ ПРЕДВЫБОРНАЯ ЭКСКУРСИЯ НЕКОТОРЫХ ДЕПУТАТОВ

Рис. М. Храпковского

— А это, граждане депутаты, — горсовет!

ГДЕ ЭТО БЫЛО?

— Я за что не люблю кампаний, — сказал член избиркома, — много они отнимают времени. И своей работы хватает, а тут еще кампании... Взять, например, хоть выборы в совет. Когда-то еще избиратели соберутся, когда-то откроем собрание, когда-то проведем.

И член избиркома уныло припал к дырочке в клубной кулисе, чтобы посмотреть много ли народу в зале.

Тогда председатель избиркома подергал себя за козырек кепки и решительно заявил:

— Ох, ты меня не знаешь, Зеленухин. Ох, ты меня не знаешь, какой я лютый человек по части кампаний. Если хочешь знать, мы, брат, с тобой еще сегодня успеем раздавить бутылочку-другую пивца.

Член избиркома, не отрывая глаза от дырки, махнул рукой.

— Куда там!.. Повестка дня сегодня худо-бедно часа на четыре: отчет депутата, старый наказ да прения да вопросы... А на той шестидневке будет еще новый наказ да список кандидатов, да обсуждение, да отводы, да выборы...

— Ну, если на то пошло, то сегодня я тебе все проверну — и отчет и выборы. Раззадорил ты

меня, чорт паршивый! — председатель крикнул и зашумел:

— Начинаем, товарищи! Для президиума все готово?

Завклубом, хлопотавший вокруг стола президиума, доложил:

— Почти. Сейчас пошли за графином. Воду наливают докладчику. И публика, так сказать, пока еще собирается.

— Пусть собирается. А воды нам не надо. У нас докладчики не охрипнут. Не с чего им будет хрипеть. Пошли, товарищи, занимать места!..

Через полминуты председатель, строго постучав карандашиком по столу, открывал собрание.

— Разрешите, товарищи, считать, так сказать, открытым. Порядок дня у вас имеется?

— Есть, — послышались голоса из зала. — Вот он напечатан...

— И очень хорошо, что напечатан. Так мы по печатанному и будем жарить.

— Стало быть сперва придется заслушать инструкцию ЦИК насчет выборов и потом это... извлечение из конституции... А, впрочем, зачем это надо? Все это было в газетах, и вы, вероятно, все читали. Читали?

— Да!

— Нет!

— Читали!

— Товарищ Тарарыкин. Дуй, товарищ Тарарыкин, старый наказ, не задерживай!

— Э-кхм-кхе... Выбирая в совет своего депутата, мы поручаем ему бороться за успешное выполнение пятилетки в четыре года, каковая...

— Постой-ка, товарищ Зеленухин!.. Лучше мы вот что: дадим слово товарищу Зеленухину, который, так сказать, даст нам живой отчет, что именно по этой части сделано. Товарищ Зеленухин, ты можешь, а?

— Отчего же?.. Э-кхм. Кхе... Поскольку, товарищи, я был избран как раз в члены совета и тем более бурные темпы разви...

— Нет, товарищ Зеленухин, давай условимся так: ты не рассусоливай. Цифры у тебя какие-нибудь есть?

— А то как же?..

— Вот ты их нам и докладывай. Голые цифры. Аудитория у нас квалифицированная. Сами разберутся, что к чему. Крой, значит!

— Сейчас... Цифры у меня есть такие: вместо 2.327 рублей годового бюджета городской думы в 1913 году мы имеем...

— Зеленухин! Опять вода? Тебе сказано — цифры и больше ничего.

— Слушаюсь. Значит: 2.327 рублей, потом 1.983.000 рублей, потом 72%, потом 34%, потом 193,7%, потом 2.600 квадратных метров, 700 погонных метров, 82.000 ведер, потом этих тонно-километров 10.200, потом рабочих часов 823.642.

— Сколько?

— Я говорю: 823.642.

— Ага. Ну, я полагаю, достаточно. Спасибо, товарищ Зеленухин. Вопросы докладчику имеются?

— Можно мне вот?

— Пожалуйста.

— Товарищ докладчик назвал, — все это, конечно слышали, — цифру 193,7%. Вот у меня возникает вопрос: как это хорошо или плохо? Много это или мало?

— Товарищ, ваш вопрос снимается в виду полной неуместности. 193,7% — это явно хорошо и достижение. Неужели это неясно?

— Кто еще желает?

— Я. Я хотел бы спросить у докладчика, как он, вообще, оцени...

— Ага. Ясно. Товарищ Зеленухин, имеете для ответа.

— Э-кхм-кхе... Вообще, я что же? Я, вообще, того...

— Ясно. Больше вопросов нет? Отлично. Переходим к прениям. Кто желает? Вы? Пожалуйста.

— Мне кажется, товарищ докладчик увлекся своими цифрами и потому...

— Ясно. Следующий! Говорите.

— А вот мне думается...

— Понятно. Следующий! Больше нет? Прекрасно. Товарищ Зеленухин, вы от заключительного слова отказываетесь? Я так и думал. Дальше идем. Выработка нового наказа. Ну-с, на этом, я думаю, не стоит долго останавливаться. Я думаю так: мы возьмем за основу старый наказ, выброшим из него то, что уже сделано, и вставим что-нибудь хорошее... Например, ясли. Пусть откроют ясли, правда? Что вы говорите?

— Нет... я только хотел сказать, чтобы вот в банях был кипяток...

— Правильное замечание. Значит, ясли, кипяток, ну, и пусть озеленят там, что можно... Я думаю, поручим хотя бы товарищу Свербеевой, — пусть она отредактирует. Так. Теперь дальше...

Ну, каемся: малость преувеличили. И даже не малость, а здорово. Так, конечно, не бывает.

Хотя, позвольте? Почему не бывает? Ну, не в полчаса — в час с небольшим кое-где стараются «уложиться» на выборах.

Вот такие случаи мы и хотели «уложить» в нашем фельетоне.

В. АРДОВ

ОПИСЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ ГОРСОВЕТА

В РАЗНОЕ ВРЕМЯ СМЕННЫХ И ИНАКЕ ВЫБЫВШИХ С ЗАНИМАЕМОГО ПОСТА

В ГОРОДЕ
ЗАВЗЯЙСКЕ

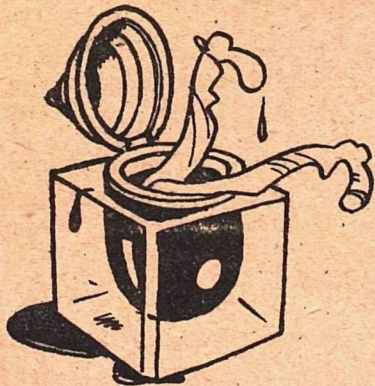
Иллюстрации Ю. Ганфа

1. ПРОЖЕЦКИЙ АНАТОЛИЙ
ПСОВЕВИЧ

Начал деятельность с разбития лавровой роши вокруг горсовета, в чем не преуспел, поелику прибывшие из города Сухума саженцы по пути от вокзала к центру затонули на шоссе купно с телегой, конем и возницей в так называемом горожанам «малом ухабе».

Смещен с распубликованием, не успев доработать обязательного постановления об окраске собачьих будок в сиреневый цвет.

2. СВЕРХСМЕТКИН ДАРИЙ
СЕМЕНОВИЧ

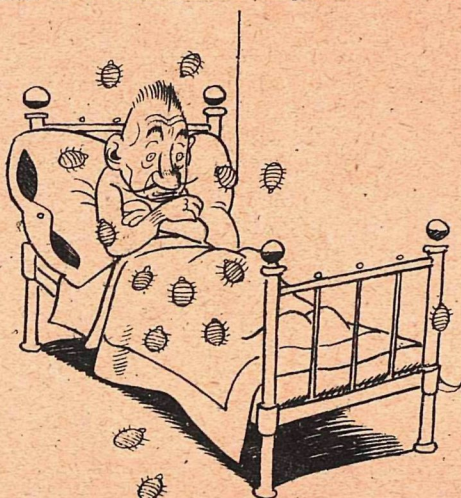
Прославился перепиской с самим собой по поводу отпуска 500 граммов картофельной муки на предмет расклейки постановления об отмене волокиты. Она переписку столь разрослась, что на третью пятилетку потребовала возведения в городе особой бумажной фабрики, о чем и ходатайствовал перед Госпланом. Получив отказ, быстро захирел и столь ссохся, что утонул в собственной чернильнице.

3. ВАЛЯЙ ФРОЛ ФРОЛЫЧ

Производил свой род от небезвестной котлеты де-воляй. В первый же день вступления в должность — в целях проверки бдительности ночных стражей — с помощью двух добровольных

вооруженных отрядов разгромил Церабкооп, Городской банк, магазин крахмальных воротничков кустаря-одиночки Брызкинды и самолично выкрал из гаража пожарную автомашину, на каковой, не умея управлять оною, и был увлечен из города навсегда и в неизвестном направлении.

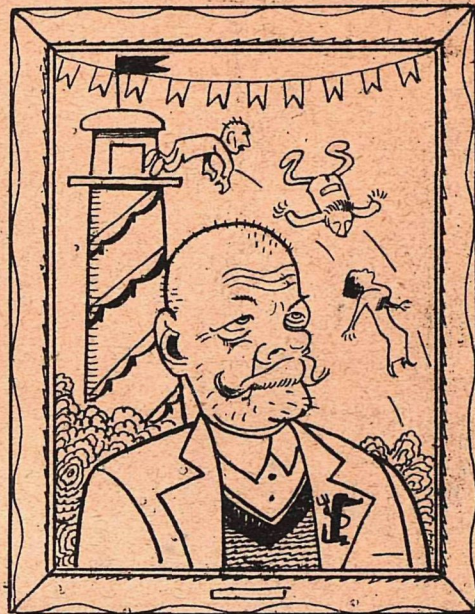
4. МЫЛЬНОПИЛЬСКИЙ АНТОН
ФЕОФИЛАКТОВИЧ

Сей воздвиг в городе выставку по гигиене и санитарии, для чего разрушил центральные бани. Выхлопотал дотацию на постройку больницы, каковую сумму и израсходовал по назначению на банкет в честь закладки первого корпуса. Потеряв на оном банкете ключ от квартиры, вынужден был провести ночь в лучшем номере построенной его попечением коммунальной гостиницы, где и был заеден клопами.

5. НИКУДЫКОВ ТИХОН
ФЕДОТОВИЧ

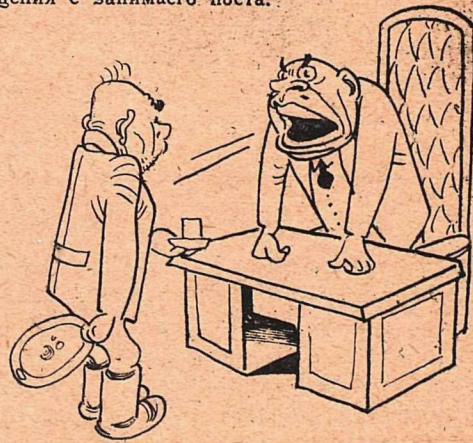
Начал с упразднения всякого делопроизводства, заменив оное изустными переговорами, чем завоевал было славу борца с бюрократизмом. По ближайшему рассмотрению оказался неграмотным. Смещение сего мужа несколько затруднено было по неспособности его прочесть отношение о сем. Однако по устному предложению пойти вон, — немедленно, с кроткой готовностью выполнил, явив даже как бы видимость облегчения. Свершить ничего не успел.

6. ГАЛИФЕЙКИН НАГАН ПАТРО-
НОВИЧ

(До объявления в „Известиях ЦИК“ — Скуфейкин Иоанн Антонович).

Отличался необычайным рвением в равнении на центр. Возмечав о строительстве парка культуры и отдыха им. Ивана Молчанова и не найдя подходящей к сему территории, использовал для означенной цели городское кладбище. Ввел постановление об обязательном прыгании всех граждан в возрасте от 18 до 85 лет с 25-метровой парашютной вышки, каковые прыжки, впрямь до прибытия парашютов, производить в подготовительном порядке без оных. За что и был награжден орденом Крокодила первой степени. Заказав местному кустарю воспроизвести таковой в серебре и эмали, носил его на левой груди вплоть до смещения с занимаемого поста.

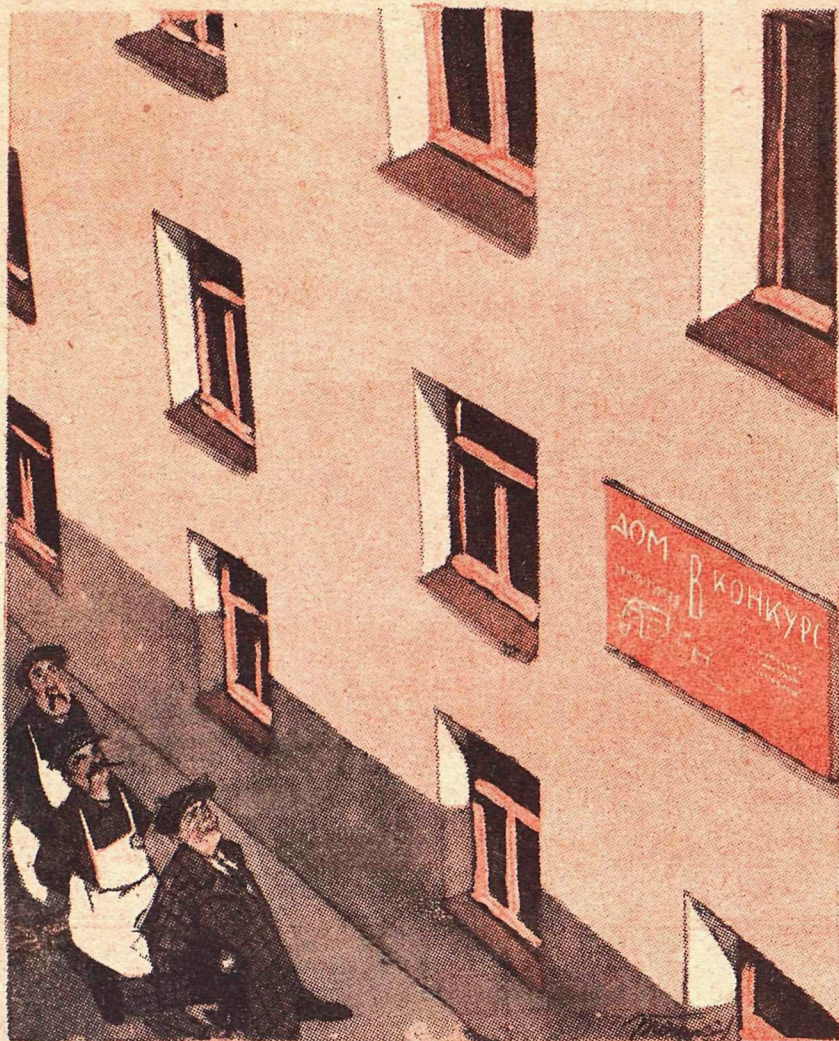
7. СТАКАНЧИК-ГРАНЕННЫЙ
КУЗЬМА АРТЕМЬЕВИЧ

Отличался столь нежным и впечатлительным нравом, что совершенно не переносил самокритики. Сия мережилась ему даже в приветствии курьера — «Как изволили почивать?», за каковой вопрос оный курьер и был немедленно уволен, яко за попытку ревизии интимной жизни начальства. Из подобных же соображений рассказывал постепенно весь штат сотрудников в первую же пятидневку своей деятельности. Оставшись без штата и усомнясь на мгновение в целесообразности своих действий, быстро, однако, опомнился и особым распоряжением сместил самого себя как выразившего неверие в свои силы.

По неизданным рукописям М. Е. Салтыкова-Щедрина проработал

НИКОЛАЙ АДУЕВ

Рис. А. Топкиова

Дом с улицы...

Дом со двора...

ЛЕСТНИЦА ЖИЗНИ

Дядя Алексей был дворник. Хороший дворник. Дома № 16/а. А дом большой, 42 квартиры, опять же — во дворе садик, ворота на две улицы. Все любили дядю Алексея. Правильный он был человек.

Один только человек относился к дяде Алексею скептически и даже с некоторым оттенком пренебрежения. Это был товарищ Бричкин — ответственный работник, чуть ли не заведующий нарзанным киоском в столовой ЦИК. Такие про него ходили слухи. И человек он был действительно важный. Говорил медленно, с уважением к самому себе. Дядю Алексея он недолюбливал, считал, что тот не в свои дела вмешивается. Дворник — он есть дворник, должен знать свое дело, ну подметать, что ли, и только, а дай ему волю...

В этот день, как и обычно, дядя Алексей зашел в контору жакта и, увидев там председателя правления грозного товарища Бричкина, обрадовался неожиданной встрече.

— С чем пожаловал, дядя Алексей? — спросил товарищ Бричкин и усмехнулся. — Государственные дела спать не дают? Ну что тебе?

— Так что вроде не порядок получается, Егор Степаныч. В девятом номере ванна протекает, на второй этаж — вода, жильцы обижаются. Опять же дело к зиме, а у нас на лестнице стекол штук пять на всю площадку. Вставлять надо. Еще,

Егор Степаныч, пожалуйста, дайте ваше распоряжение, чтоб денег дали мне. Метлы покупать надо, я без метлы, как без рук, а еще, Егор Степаныч...

— Ну, хватит. — Товарищ Бричкин недовольно поморщился. — Метлу тебе купят, а остальное без тебя сделается. Тебя не останови, ты целый день разговаривать будешь. Не суйся ты, куда тебя не спрашивают. Ты — дворник, понимаешь, твое дело смотреть, чтоб во дворе чисто было и на улице, ну и по ночам чтоб никто лампочек на лестницах не воровал. Об остальном не твоя забота. Управдом есть, правление жакта, я вот — председатель правления. Каждый человек должен знать свое место. Ты беспорядки видишь, и я вижу. Понимаешь, как на лестнице все равно: ты на площадке второго этажа стоишь, управдом на третьем, ему видней, а я, брат, на пятом — мне лучше всех видно, что кругом делается. Так-то, дядя. Не дыми ты своим «боксом», на вот хорошую, закурим, что ли. Ну, иди.

В этот день дядя Алексей, закончив уборку по двору и на улице, зашел домой, побрился перед маленьким пятнистым зеркальцем, вычистил сапоги, надел новый тулупчик и торжественно предстал пред очами товарища Бричкина.

— А, дядя Алексей! — приветство-

вал его товарищ Бричкин необычно веселым голосом. — С тебя, брат, выпивка. Начальством сделался, депутат райсовета, можно сказать, советская власть. Уж мне тут рассказывали. Молодец, хвалю. Что там у тебя сегодня? Опять денег на метлы требовать будешь?

— Нет, метлы это ни к чему, метлы у нас есть, я сейчас, товарищ Бричкин, по другому делу, мне, значит, как депутату вышло такое распоряжение, наш квартал обследовать. Я с нашего дома и начал, потому наш дом знакомый.

— Ну чего тут обследовать, сейчас времени нет, вот уж как-нибудь посвободнее будем.

Но дядя Алексей не сдавался и даже вынул какую-то бумажку, украшенную коротким текстом и круглой печатью. Товарищ Бричкин прочитал бумажку, пожевал губами и сказал:

— Ну что ж, товарищ Митренко, раз вам как депутату поручено... Ну что ж, обследуйте. Софья Степановна, приготовьте нам документы.

— А мне документы ни к чему, я вам без документов все расскажу. Идемте дом смотреть.

Егор Степаныч пожал плечами, но возражать не стал, а надел пальто и, взяв портфель, вышел вслед за дядей Алексеем.

Два часа длилась эта пытка. Дядя Алексей был неумолим, он водил

Бричкина по лестницам, в подвал, заглядывал в кухни, ванны, уборные, обследовал мусорную яму и все время не переставал жучить Бричкина.

— Разве это порядок, какой же это порядок, — это выходит форменный беспорядок. Даю два дня сроку, чтобы было исправлено.

— Но, товарищ Митренко, — взмолился Бричкин, — невозможно ж в такие сроки... Алексей Данилыч, вы ж свой человек, вы ж пойдите навстречу...

— Я жильцам навстречу должен идти. Я не свой человек, я есть депутат, это понимать надо. Не выполните, оштрафую!

— Но, товарищ Митренко, мы же заботимся, мы же все это сами видим, мы примем меры, но нельзя же в два дня...

— Вы-то видите, а я, небось, лучше вижу. Вот, вроде, как на лестнице, каждый человек должен знать свое место: вы, Егор Степаныч, — председатель, а я — депутат. Это понимать надо. Вы на пятом этаже стоите, вам все видно, а я, вроде, на крыше, — мне еще видней. То-то и оно. Закурим, что ли?

Дядя Алексей вынул пачечку «бокса» с помятыми, скрюченными папиросами и, закулив, протянул пачечку Егору Степанычу.

Бричкин не посмел отказаться. БОР. КОВАЛЬ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК

В этот день занятия в школах Бердянска начались обычно. Но во второй половине дня, в горячее время урока, раздались пронзительные звонки. Занятия были неожиданно прерваны. Учителя, недоумевая, встревоженно прошли из классов в учительскую. Ученики выбежали в коридоры.

В этот день занятия во всех школах Бердянска больше не возобновлялись.

Учеников — все три смены — строили попарно и выводили из школы. Им сказали:

— Ребята, мы идем на печальное торжество погребения. Кто там позади ерзает? А ну, ребята, не шалить. Без смешков и шуточек!

Со всех концов города к месту печального торжества шли ряды учащихся бердянских школ — ФЗУ и семилеток. Шли юнцы, подростки и отроки. Подходили взрослые.

Сверкая серебром труб, с двумя барабанами то-ропливо шагал сборный, как для парада, оркестр.

Два распорядителя с красными повязками на рукавах стояли справа и слева на подножках летящей пролетки, морской ветер взлохмачивал их непокрытые волосы.

Развевались алые из шелка и бархата знамена райкома ВЛКСМ, пионербазы, комсомола обувной фабрики, портовиков, подшефного совхоза.

На двух извозчиках к траурному крыльцу подвезли четыре венка, четыре трепетных круга из прекрасных живых цветов, с муаровыми лентами...

...Улица была уже запружена собравшимися почтить и проводить усопшего, когда из уст в уста понесся взволнованный шопот:

— Несут!!.

— Смир-р-на-а! Для встречи гроба пригото-виться! — пропел чей-то командный голос.

Оркестр тихо, тоскующе заиграл: «Вы жертвою пали...» Пионеры подняли руки, комсомольцы, пор-товики и милиция взяли под козырек.

И из квартиры тов. Эпельмана, ответственного работника Бердянского райкома ВЛКСМ, медлен-но вынесли маленький, совсем маленький гробик.

Развевались знамена.

— За гробом! — опять пропел командный го-лос. — К месту погребения, рядами, ша-а-гом...

Ряды пошлѣ за гробом чада ответственных Эпельманов, по последнему его пути в гору, к кладбищу. Рыдал оркестр, трепетали на ветру вен-ки из прекрасных цветов, развевались знамена...

Там на кладбищенской горе, у разверстой моги-лки ораторы скорбно обнажили головы, они гово-рили:

— Смерть унесла его... Жестокая, она прервала эту юную жизнь на светлой заре седьмого меся-ца... Всего шесть месяцев жизни — и нет больше дорогого дитяти у ответственных родителей, у зам. секретаря райкома ВЛКСМ и его всеми уважаемой и — увы! — убитой горем супруги... Смерть... без-жалостная... Она сорвала этот нежный цветок, она... на заре... идеология усопшего... нет, нет, это все слишком тяжело, товарищи! Обнажим же го-ловы, склоним знамена.

Рыдал сборный оркестр. Развевались знамена, шелестела на ветру жесть кладбищенских венков, глухо падали в могилку комья земли.

И в третий раз пропел командный голос:

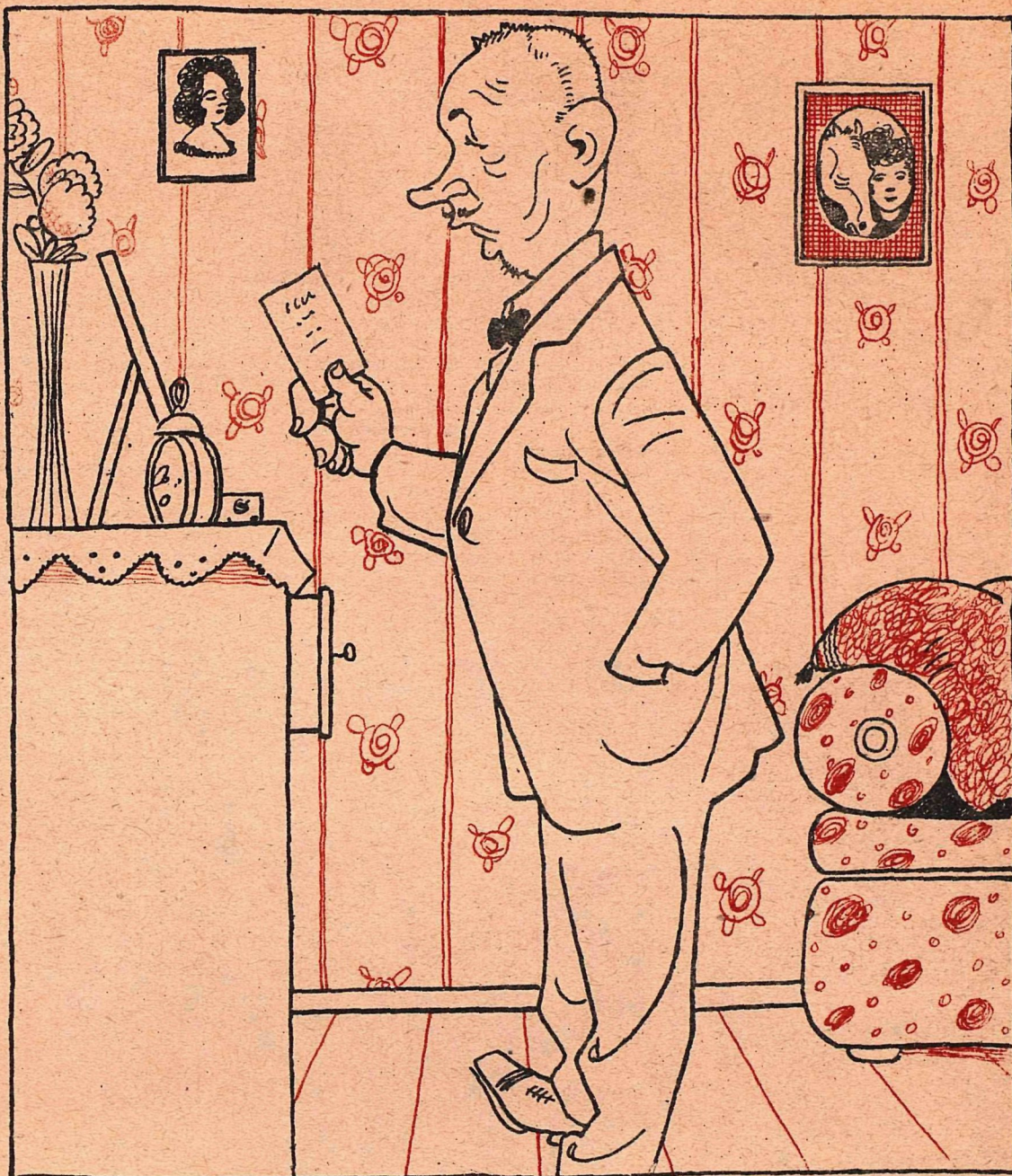
— Торжество погребения завершено. По до-мам!..

...Возвращались тихие, задумчивые. Те, что повзрослее, думали о суете сует, о мудрости ми-роздания. Те, что поумнее, думали также и о мудрости бердянских управителей, стоящих во главе града сего.

Л. МИТНИЦКИЙ

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

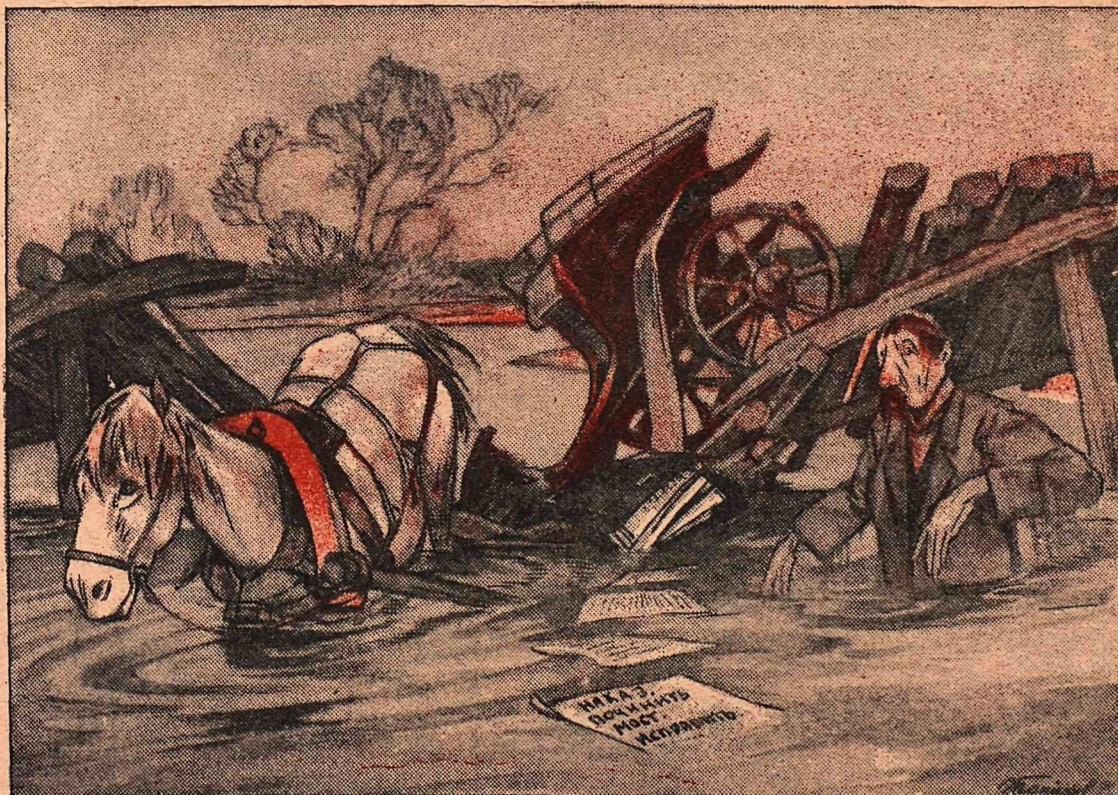
Рис. Ю. Ганфа

— Вот досада: целых три года пер в трамвай через заднюю площадку, а я, оказывается, депутат и имел право входить с передней!

ПЛОХАЯ КАНДИДАТУРА

Рис. А. Топкиова

— До выборного собрания не доехал, а уже провалился... со своей кандидатурой!

МЕЧТАТЕЛЬ

(ПРЕДВЫБОРНАЯ НОВЕЛЛА)

У помощника начальника станции Страусова по случаю дня рождения собралась компания. Вечер был накануне выходного дня, и народу пришло не мало. Долговязый телеграфист Зазноба принес старинный граммофон с огромной лиловой трубой. Пислявые девицы окружили Зазнобу разноцветной стеной и наперерыв осведомлялись о граммофонном репертуаре. Телеграфист делал всем таинственные знаки и шептал: «Есть, есть. «Черные глаза»? Как же, принес, помилуйте».

Из соседней комнаты доносились хлопанье пробок и раздраженный голос хозяйки: «Колбасу-то потоньше режьте, колбаса-то коммерческая».

Мужчины, глотая слюны в предвкушении предстоящих яств, вели между собой сдержанный разговор.

— Нет, как хотите, — говорил самый почетный гость — председатель поселкового совета Задавало, — как хотите, а культура — великая вещь. Я без культуры не мыслю шагу ступить. Вот недавно на праздники пожарную каланчу приказал зеленую обвить и лозунг написать: «Раздеем пожар мировой революции». Очень вышло культурно...

— Да это, конечно, — соглашались все, косясь на соседнюю комнату, откуда слышался звон тарелок, — без культуры какая же жизнь!

— А еще я люблю, — говорил председатель, увлекаясь, — чтоб большие дома стояли, в десять этажей, типа «небоскреб», чтоб на крышах пальмы росли, чтобы кругом домов чистота была и помойкой чтоб не пахло... В таких городах и работать интересно, там — стимул.

— И это правильно, дорогой Модест Янович, — откликались гости, — а то вот у нас в поселке домишки маленькие, темнотища и грязь, — тут уж не до стимула, тут не знаешь, как до станции добрести.

— Пожалуйте, дорогие гости, кушать, — прервала хозяйка разглагольствования гостей, — котлеты стыннут.

Все разом загремели стульями и поспешили в соседнюю комнату. Там уже сидели пислявые девицы и телеграфист Зазноба. Лиловая труба граммофона изрыгала громовые звуки попеременно с шипеньем. Над столом вился легкий пар. Блеск рюмок и графинов возбуждал у гостей бешеный аппетит.

— Первый тост, — провозгласил любезный хозяин, — за нашего дорогого гостя, за нашу поселковую советскую власть — Модеста Ивановича Задавало. Виват!

— Польщен, польщен, — бормотал председатель, чуть приподнимаясь.

— Ура! — выкнул телеграфист и закусил вопль кулебякой.

Долго были слышны чавканье челюстей и звон рюмок. Отдельные голоса потонули в этом шуме. Беседа становилась все более и более непринужденной...

— Модест Иванович, — шептал хозяин Страусов на ухо гостю, — вы бы уж хоть тротуарчик возле нашей квартиры не обессудили устроить, намедни тесть мой чуть не утонул, право слово. А? Не обессудили бы. А? Как председатель советской власти. А?

— Советской власти, — бормотал председатель, быстро охмелевший, — советская власть, она, брат, у нас в Чертанове без должного размахал. Одним словом, поселок. Ни тебе стимула ни масштабов.

«О, донна-Клара...» — вопила лиловая труба. Телеграфист Зазноба танцевал с одной из девиц. Девица взвизгивала, телеграфист наступал. Ноги Зазнобы двигались, как на шарнирах.

— Танго-с, — пояснял он гостям, — аргентинско-бразильское... А вот это, извините, будет бостон.

— ...Тесть чуть было не утонул, — бормотал председатель, — эка важность твой тесть, вот недавно приехала к нам...

— Это я-то не важность? — вмешался в разговор маленький старичок. — Эх, ты, председатель.

— Папаша, — басил хозяин, унимая старичка, — не вмешивайтесь в политику, сидите спокойно, как инвалид труда...

— Румба, — кричал телеграфист, — самоновейший танец, в центре все ответственные работники танцуют.

Лиловая труба орала что-то совсем несообразное.

— А ведь, когда-нибудь, братцы, и у нас, в Чертанове, будет развернутая культура, — говорил Задавало, почти декламируя. — Поселок наш украсится огромными домами и универмагами. Уборные во всех домах будут исключительно теплые. Тополя вырастут вдоль мостовой, а тротуары сплошь залются асфальтом...

— Залются? — переспрашивал хозяин.

— Ну, да!..

— Это здорово! Выпьем-ка за такую жизнь...

— Выпьем. И вот тогда, братцы, хочу я быть у вас председателем...

— Да как же, жди, — шипел тесть, ядовитый старичок.

— Папаша, — вмешивался голос хозяина. — сколько раз я вам говорил: не суйтесь в политику, как вы есть убитый возрастом.

— Не лишай меня голоса, зять, — отмахивался старичок, — ты мне не комиссия, не лишай.

— Хорошо, братцы, также, — продолжал председатель, — в поселке бы нашем завести вместо паршивого клуба театр, достойный эпохи...

На другом конце стола подвыпившие железнодорожники спорили о том, как составлять маршруты. Девицы, предводимые Зазнобой, производили немалый шум, сияясь постигнуть тайны популярных танцев. Хозяйка дома, тощая, испитая женщина, говорила, обращаясь к соседке:

— Вот нажрались, напились, наплясались, а нашей сестре — одно беспокойство и чистый убыток...

— Хорошо также, братцы, — гремел председательский голос, — автобус.

Вечер кончался. Утомленные гости начали расходиться.

Одним из последних вышел председатель Задавало. На улице было темно, как в погребе. Где-то вдали подмигивал подслеповатый фонарь, словно маяк в море. Со станции доносились паровозные гудки и ляг вагонов.

Задавало потерял калошу, исчезнувшую со сказочной быстротой в тротуарной топи, и теперь шел, подпрыгивая на одной ноге.

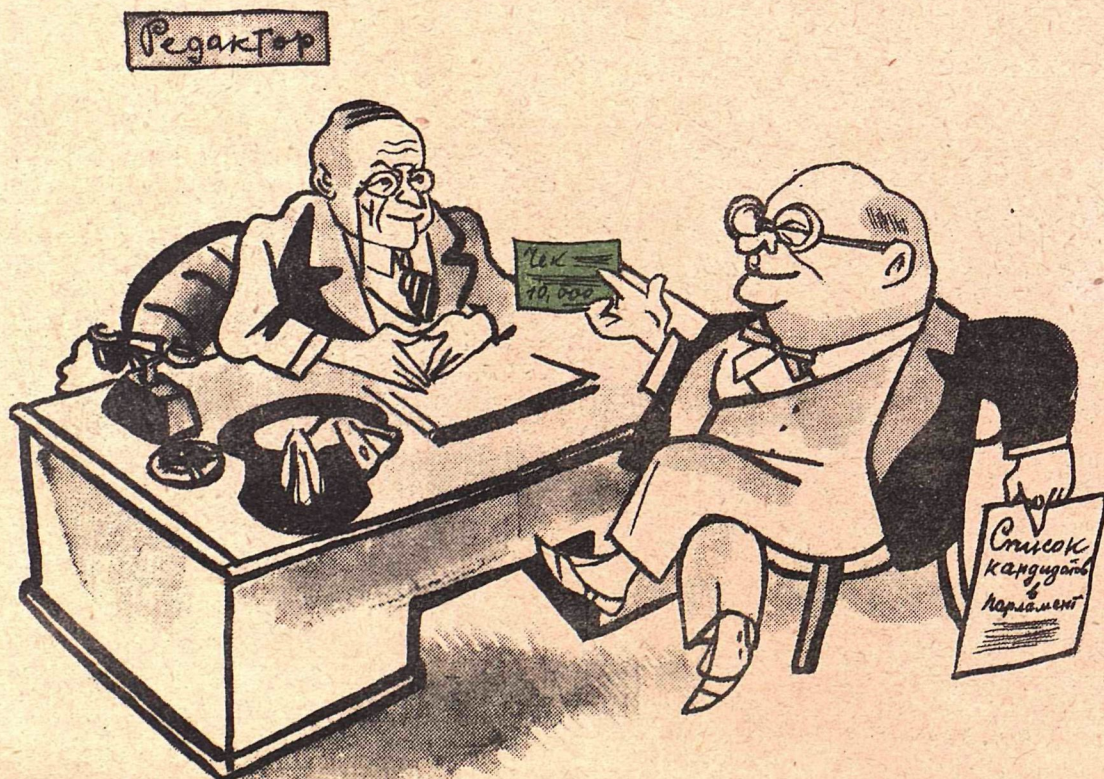
— И когда меня унесет отсюда, из этого оканного поселка? — бормотал он. — Как хочется культуры, чистоты, древонасаждений. И хоть бы какой-нибудь сукин сын распорядился это Чертаново привести в порядок! Вот люди-то дикири, право слово!..

В отдалении лаяли псы, а где-то совсем близко отчаянно мяукал кот.

Рис. Л. Бродаты

КАК ПОКУПАЮТ ГАЗЕТЫ У НАС...

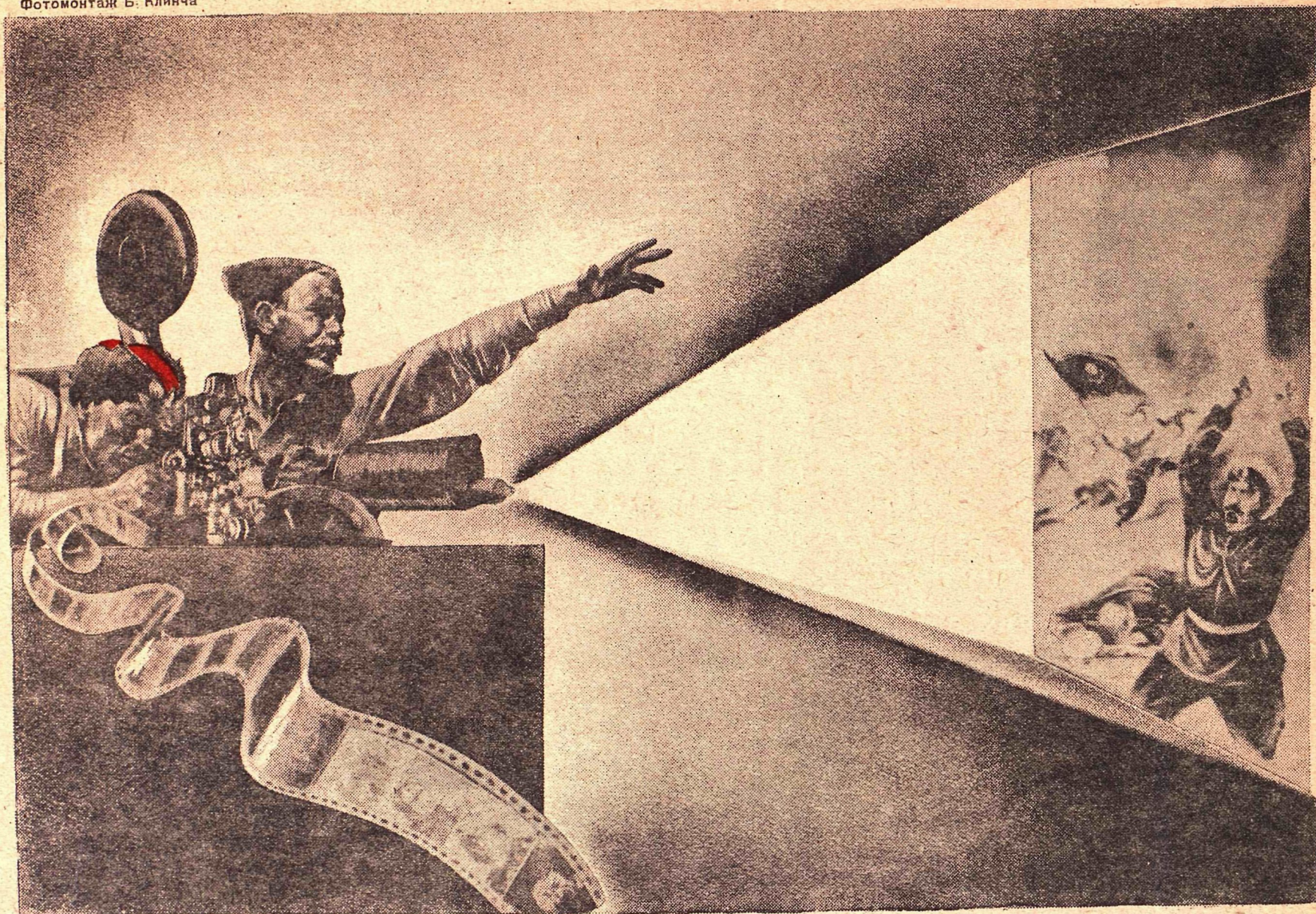
...И КАК ПОКУПАЮТ ГАЗЕТЫ У НИХ.

НА АНГЛИЙСКИХ КОММУНАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ

Рис. английской художницы Пирль Байндер

- Кто это говорит: консерватор или лейборист?
— По речи не определишь: подождем до конца, потом председатель объявит...

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ — ПОБЕДИТЕЛЬ НА ВОСТОЧНОМ И КИНОФРОНТЕ

Ш Е Л У Х А

ШУТНИКИ

Умеют пошутить в Черниговской области.

Особенно в Дмитровском районе. В других районах шутят походя, еле-еле: скажут что-нибудь смешное, улыбнутся, и этим вопрос исчерпывается. Другое дело в Дмитровском районе. Там местные шутники шутят так, что их слышно даже у нас в центре. И прислушавшись к их тонкому остроумию, хочется спросить:

— А какая в сущности разница между злым хулиганством и тупой шуткой?

Вот как дмитровские шутники пытались поселить себя во время текущей избирательной кампании.

Секретарь РК Федорченко и пред. рика Дыхно в с. Грайворон решили, что избирательные карточки самое подходящее поле для применения их тонкого юмора. Взяв такую карточку в руки, дмитровские остряки вписывали в нее все то, что подсказывал им вездеход остроумия.

Приходит пожилая колхозница.

— Получай карточку.

Колхозница недоуменно смотрит на карточку, на членов избиркома и еще более изумленно на короткую надпись на карточке:

«Девка».

За ней уже стоит озадаченный колхозник-ударник, у которого на карточке, в графе «пол» заливчато выведено:

«Неполый мужчина».

У следующего колхозника в графе о национальности не менее весело вписано:

«Русский немец».

Единоличникам еще более не повезло у избиркомовских шутников.

У одного в графе о национальности стоит:

«Индус».

У другого в избирательной карточке значится:

«Кулак».

Не будем дальше перечислять всех достижений избиркомовского остроумия. Заметим только, что даже самые скромные избиратели собрали все перлы этого остроумия и передали их в соответствующие инстанции.

Теперь избиркомовских остряков ждет соответствующее раз'яснение, что есть шутка и что есть обычное, так сказать, стандартное хулиганство.

Наде думать, что после авторитетного и запоминающегося раз'яснения им больше шутить не захочется.

КУЛЬТУРТРЕГЕРЫ

Мы не знаем, в каких одеждах должны были явиться на октябрьскую демонстрацию научные сотрудники и жены научных работников Азербайджанского краснознаменного нефтяного института. Скорее всего в открытых бальных платьях, лаковых туфельках и с веерами в наманикюренных руках.

Совсем другое дело — академработники упомя-

нутого института. Насчет них объединенный институтский комитет союза Рабпрос дал ясную, четкую и не допускающую никаких разногласий установку.

За два дня до демонстрации в АКНИ на видном месте была опубликована директива:

АКАДЕМРАБОТНИКАМ БЫТЬ В ТЕМНЫХ КОСТЮМАХ, БЕЛЫХ ВОРОТНИЧКАХ, ГАЛСТУХАХ И ШЛЯПАХ».

К сожалению, цвет носков, в которых бакинские научные работники должны были выйти на солнечные улицы Баку, чтобы праздновать XVII годовщину Октября, составителями приведенного рескрипта указан не был. Но по аналогии следует предполагать, что цвет носков также должен был соответствовать серьезности момента и занимаемому в научной иерархии месту. Молодые и ветреные ассистенты могут позволить себе выйти на демонстрацию в голубых или нежно-розовых в синюю крапинку носках. Доценты — в коричневых или темно-зеленых. А профессора, те, конечно, в черных и только черных носках.

Страшно подумать, что случилось с легкомысленными и безответственными научными работниками, явившимися на демонстрацию в светлых костюмах, сорочках апаши и кепках. Не хочется портить настроения. Бррр!

Заставь месткомовцев бакинского института за культуру в быту бороться, — обязательно лбы свои расшибят!

Впрочем, так их лбам и надо. На большее они не годятся.

МОДЫ СЕЗОНА

Обращали ли вы внимание, уважаемые товарищи, что проблема общественного взмыкания гораздо слабее проработана, чем проблема общественного поощрения. С поощрениями даже проблемы никакой нет, все ясно: отметить в печати, выдать грамоту, наградить ценным подарком и так далее до высшей награды — награждения орденом за выдающиеся заслуги перед страной. А с взмыканиями как-то скупо выходит в смысле разнообразия. Ну, что там — черная доска, клеймение позором на пленуме месткома, орден «Крокодила» — и обчелся. Тут трудно варьировать и проявлять воспитательную гибкость. Но и здесь нашлись энтузиасты-изобретатели в лице председателя Камешкирского рика т. Тамбовцева. В этом районе, как и во многих иных, есть лучшие и худшие сельсоветы, передовые и отстающие. Передовые нужно поощрять, отстающие — подтягивать.

А как подтягивать, скажите на милость? На черную доску его занесешь, — не действует, привыкли. Рогожное знамя ему дашь, — он знамя возьмет, поставит за печку его — и хоть бы что!..

И вот к последнему финансовому слету для председателей отстающих сельсоветов были заготовлены рогожные шляпы и пальто. Когда некоторые работники попытались убедить предрика, что не очень-то подобает превращать предсельсоветов в огородные пугала, несмущившийся Тамбовцев ответил: «Кому не подобает, а нам подобает. В крае люди поумнее нас, а тоже такие формы практикуют». А и в самом деле, чем это не форма? Вполне — форма. К чему заниматься всякими бюрократическими выговорами по партийной и советской линии, публикациями в печати и прочими бумажными мерами воздействия, когда есть живые, яркие и красочные формы. Одно жал-

ко, полет фантазии у камешкирцев небольшой, а ведь можно гораздо веселее придумать. Например, так: председателей отстающих сельсоветов вымазывать клеем, вываливать в пуху, прицепить бумажный хвост и заставить пройти по главной улице на четвереньках и кричать «кукареку». Это должно подействовать. А если не подействует, придумать что-нибудь еще покрепче. А трудно камешкирцам придумать, — попросить товарищей из края, которые поумнее. Уж те придумают.

А то есть еще одно средство: хорошо руководить работой сельсоветов, и тогда не придется устраивать рогожных маскарадов. А то как-то неудобно, товарищи камешкирцы. И богу вы не молитесь, а лбы расшибаете. С чего бы это?

КАПИТАН ГАТТЕРАС

АРХИТЕКТУРА И ЖИЗНЬ

Рис. Б. Малаховского

Поучительная история о том, как группа архитекторов проектировала для совхоза новый поселок без коровников и свинарников, «чтобы не нарушать чистоту стиля», и как эта теоретическая «чистота стиля» была в конце концов нарушена на практике.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Валдайский район Ленинградской области в свое время на всю страну прославился переливчатым звоном своих бубенцов.

Но отгремела нынче слава бубенцов, и новая звезда взошла над Валдайским небосклоном. Это — зам. пред. райисполкома Тронин.

В Городненском сельсовете, Валдайского района, в начале года умер г-р. Петров. Умер он неожиданно, а главное, не успел выполнить своих обязательств по мясодаче. Сельсовету ничего не оставалось делать, как просить районную власть списать налог с умершего Петрова.

Попала эта бумажка к Тронину, а этот заявляет: «Мало того, что умер. Сдать налог... и никаких».

Сельсовет в недоумении. Петров умер. Хозяйства после него — кот наплакал. Как же быть?

Кто-то из членов сельсовета предложил поручить самому Тронину съездить на кладбище и взыскать налог с Петрова.

Но стоит ли тревожить мертвеца. Ведь толку от этого никакого.

Другое дело, дорогой Крокодил, во время предстоящих выборов в советы, по-моему, следует потревожить самого Тронина. Для самого райисполкома толк от этого будет несомненный.

И. КОНОНОВ

Дорогой Крокодил!

Не интересуешься ли ты медициной? Не нужна ли тебе литература по вопросам терапии, фармакологии, ортопедии? Если нужна, рад помочь советом. Дело в том, что недавно я получил повестку на получение посылки наложенным платежом на 7 руб. Кто же это, думаю, обо мне заботится? Прибежал на почту. Выкупил.

Что же ты думаешь оказалось внутри? А вот что. Два экземпляра «Указателя статей, помещенных в журнале «Вестник НКЗ-драва» за последние десять лет». Эти две брошюры за мои кровные 7 целковых любезно прислала мне по собственной инициативе государственная медицинская библиотека НКЗ Грузии. А может быть, сам автор прислал, — вележался у него тираж. А фамилия автора — Николайшвили А. И.

Так что, дорогой Крокодил, если ты еще не перестал интересоваться педиатрией, урологией и эндокринологией, напиши Николайшвили — и все в порядке. Заодно припиши, что не следует посылать таинственные пакеты, за которые приходится расплачиваться обманутому адресату. Ведь адресат думает, что ему присылают что-нибудь стоящее.

Врач завода им. Марти
ГУРОВ.

Дорогой Крокодил!

Можно ли задать тебе ряд загадок:

1. Где клуб открывают только два раза в год: 1 мая и 7 ноября?

2. Где нет библиотеки для рабочих?

3. Где за два года не видели ни одной книжки советских писателей?

4. Где нет красных уголков, чтобы поиграть в шахматы, почитать газеты?

5. Где покрылись паутиной духовые инструменты, которыми пользуются только по праздникам и на похоронах?

6. Где нет радио ни в клубе ни в рабочих общежитиях и квартирах?

7. Где процветают пьянство и хулиганство, а в женском общежитии пьяная компания по ночам буйствует, занимается дракой и руганью?

Тебе трудно отгадать, Крокодил, где все это происходит. Ну что ж, не будем скрывать. На шахте № 12 Сталиногорскугля, Московской области.

Быть может, ты думаешь, что у нас нет шахткома и парторганизации? Ошибаешься. Они-то есть. Но качество их работы — загадка, на которую трудно ответить.

ЗРИТЕЛИ.

Дорогой Крокодил!

Ответь мне, пожалуйста, и по возможности срочно, — нужно ли жениться специально для того, чтобы получать дрова?

Я задаю тебе этот вопрос потому, что когда я явился в наш комхоз и попросил ордер на дрова, мне ответили коротко и просто: холостым дров не даем. Теперь я жду твоего совета, что мне делать: жениться или сидеть в холоде?

Помоги, дорогой Крокодил!

Г. КОНДРАТЬЕВ.

Ст. Пашенная,
Заб. жел. дор.

Дорогой Крокодил!

В Сталинградском крае и в самом Сталинграде, стихийно или по чьему-то указу, школьники и студенты щеголяют в стран-

ных нарядах: на пуговицах пальто, к портфелям прикреплены пузырьки с чернилами.

Злые языки утверждают, что столь необычайная форма верхней одежды школьников и вузовцев осуществляется по проекту работников Сталинградского отдела народного образования: ни в одной школе ни в одном техникуме и вузе нет чернильниц с чернилами.

Дорогой Крокодил, будь добр, выясни, знает ли Наркомпрос о сталинградском проекте новой формы для учащихся?

Или надо в специальных дополнениях к наказу избирателей включить пункты о том, чтоб школы и вузы Сталинграда были обеспечены чернилами?

И в том и в другом случае, надеюсь, что у тебя, дорогой Крокодил, хватит чернил, чтобы письменно высказаться по этому поводу на страницах журнала. Не правда ли?

Студенты Сталинградского судостроительного техникума РУБЕКИНА,

ДОБРОТКОВСКАЯ.

Студент СМИ БАУЛИНА.

Ученица школы им. Ленина

МАЙЯ БАУЛИНА.

Уч. школы малограмотных

ШИЛИНА.

Дорогой Крокодил!

Спешим известить тебя о новостях в мире техники. Директор совхоза «Красная Пойма» Мосмолживтреста Садырев обещал старшему зоотехнику Сизоненко 3 килограмма сливочного масла. За что, спрашиваешь? А вот за что: если он, Сизоненко, умудрится при помощи трактора стащить все стога на пастбище в одно место, чтобы удобнее было пасти скот. А Сизоненко масло с детства любит. Тут же согласился. На место действия выехали зав. автотракторным парком Якунинский, будущий обладатель масла Сизоненко и другие любители-изобретатели. Провозились день, сожгли тьму горючего, изорвали в куски много метров каната, а стог ни с места, потому что целый стог нормальные люди волоком не тянут.

Этот же Сизоненко рекомендует украшать скотные дворы зелеными веточками, чтобы коровы, возмечтав, что они на лоне природы, давали больше молока. И еще не все. В связи со случившимся отравлением скота ядовитыми травами Сизоненко предложил кормить этими травами трех телят, чтобы убедиться, что телята от трав и впрямьдохнут. А директор Садырев заявил, что для этой цели и коров не жалко.

Дорогой Крокодил, пришли каких-нибудь трав для Садырева и Сизоненко. Может, есть такие травы, чтобы поумнели.

Зоотехник ЧЕРВЯКОВ.

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ

Рис. Сойфертиса

— Нас побрить, побрить хотели.
Нас побрить пытались,
Но мы даже не сидели,
Стоя дожидались!..

ПОЧЕТНЫЕ ПТИЧКИ

Вдумчивый поэт прошлого столетия так выразился о превратностях судьбы:

Ходит птичка веселó
По тропинке бедствий,
Не предвидя из сего
Никаких последствий.

А потом наступают последствия. И не всегда приятные. Особенно если у птички есть фамилия и фотография в Моссовете. Тогда приходит в Моссовет невежливый журналист, ходит по секциям и не деликатно спрашивает:

— Птички у вас есть?

— Которые ходят веселó? — откликаются председатели секций.

— Именно.

— За льготными билетами для передних площадок?

— Вот, вот.

— А помимо этого в Моссовете вообще не показыва-ются? Этих птичек желаете?

— Совершенно верно.

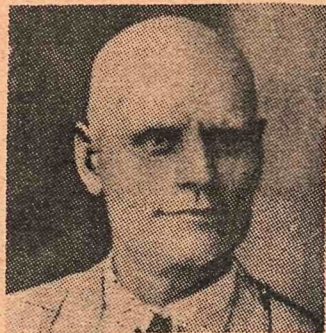
— Что мы имеем на сегодняшний день? На сегодняшний день мы имеем минимум по паре таких птичек на каждую секцию... Возьмем список членов секции. Взяли. Посмотрим. Посмотрели. И так...

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРЫ

Тов. Кисин.

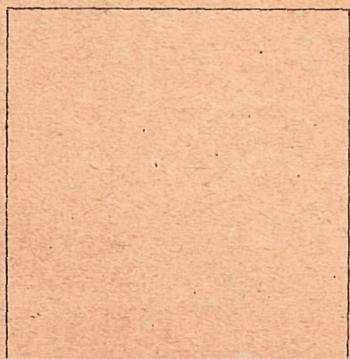
Депутат Моссовета т. Кисин. Мужчина. Живет в Москве. Избран от театра МОСПС. Мелькает легкой тенью в Моссовете в дни перерегистрации трамвайных билетов. Принимал у себя на дому делегации, приглашавшие его работать. За последние два года не был ни в Индостане, ни в Валь-парайзо, ни в южной Австралии, ни в секции культуры. В остальных местах был.

Тов. Коробов.

Коробов — директор литературной столовой Наркомлегпрома. Движимый инстинктом, явился в секцию за три дня до отчета и взял задание. До этого, с 1932 г., безнадежно разыскивал адрес Моссовета.

СЕКЦИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Тов. Найденов.

Найденов — избран пекарней Союзкурортснаба. Личность совершенно мистическая. Говорят, что имеет наружность, но никто ее не видел. Даже не принес своей фотографии в Моссовет. Жив, здоров. Любит закаты, чай с вишневым вареньем и римского сенатора Калигулу. А может, и не любит. Что, вообще, можно сказать о человеке, которого никто не видел?

ЖИЛИЩНАЯ СЕКЦИЯ

Тов. Никитин.

Мастер столярного цеха Аэропорта т. Никитин. Задания брал, обращался с ними с чисто материнской нежностью и через полгода возвращал обратно невыполненными. Сами понимаете, — задание возьми, выполни, дай отчет, а человек один. Не всякого на это хватает!

Тов. Лузгин.

Помдиректора завода № 1 Мосстроймеханизации т. Н. А. Лузгин. Будучи под этой фамилией избран депутатом, под ней не появлялся в стенах Моссовета и под ней же ничего не делал. В виду этого в секции значился под псевдонимом Неуловимый. Больше ничего о нем неизвестно. Как это говорится: ни сказок о нем не расскажут ни песен о нем не споют...

ТОПЛИВНАЯ СЕКЦИЯ

Тов. Иванова.

Тов. М. Иванова. Спиртоводочный завод № 1. В Мос. не б. нич. не дел. Оч. пл.

СЕКЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ

Тов. Зайцев-Панкратов.

Тов. Зайцев-Панкратов. Будучи избранным, пришел в Моссовет, получил льготный билет для проезда с передней площадки, тихо улыбнулся, покурив и исчез, утопая в сиянии голубого дня. Больше там его и не видели. Ни Зайцева ни Панкратова. Мир его депутатским полномочиям!

СЕКЦИЯ СВЯЗИ

Тов. Ананичев.

Таинственные незнакомцы товарищи Ананичев-письмоносец и Арбузов — диспетчер. Который из них Ананичев и который Арбузов, не знаем. Попытки опознания личности по фотографиям не привели ни к чему: никто их в Моссовете не видел. На днях они праздновали двухлетний юбилей невыполнения депутатских обязанностей. Был ли по этому поводу банкет, или торжество прошло тихо и незаметно, не знаем.

Тов. Арбузов.

СЧАСТЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

На-днях с трудящимся Картотекиным, проживающим в Кинешме, произошел трагический случай, сильно озадачивший лучшие медицинские умы нашей страны.

Примерный работник, образцовый муж и отец, И. П. Картотекин стал внезапно худеть, терять в весе и мучительно задумываться.

На службе он рассеянно ходил по коридорам со стаканом холодного чая в руках, натыкался на урны и посетителей и что-то болезненно старался припомнить. Дома он стал путать детей. Называть жену Павлом Петровичем. А однажды его застали укачивающим кошку вместо младшего сына Егора.

Совместными усилиями сослуживцев и соседей Картотекин был отправлен к опытному врачу.

— На что жалуетесь? — тонко спросил врач удрученного посетителя.

— Доктор, — чистосердечно признался Картотекин, — я что-то забыл.

— Такие случаи бывали, — мягко согласился врач, — но что именно? Может быть, вы забыли совершить таинство профвызнова? Может быть, вы забыли сдать подотчетные суммы за истекший квартал?

— Нет, доктор, — мягко, но с некоторым негодованием ответил Картотекин, — со мной этого не бывает. Вообще я человек нормальный и здоровый. Я могу съесть кило сосисок, освоить любую премьеру в городском театре, сделать за одну ночь процентные выкладки на грядущий квартал по недозгружке вагонов. Я могу все. Но сейчас я хирею, как птичка. Я что-то забыл и не могу вспомнить.

Доктор вздохнул, прописал Картотекину мятных капель, свинцовую примочку и ряд других редких лекарств, отсутствующих в местных аптеках, и, как это говорится, умыл руки.

Картотекин продолжал худеть. Он уже не узнавал никого, погруженный в свои горькие мысли. Однажды, бреясь в парикмахерской, он взглянул в зеркало и, увидев свое отражение, спросил у изумленного мастера бритвы:

— Кто этот гражданин? Мне кажется, я его где-то видел.

После этого случая Картотекина отвезли в Москву.

Просвечивание в рентгеновском кабинете не раскрыло тайны. Из посторонних тел в организме Картотекина оказался лишь еще непереваренный пирожок с повидлом.

Подвергнутый психотехническому анализу Картотекин прошел его блестяще. Он быстро переписал трехзначные, улыбался при поднесении розы и просил холодной воды при виде нового романа И. Евдокимова.

И тем не менее он еле передвигался на дро-

жащих ногах, стонал по ночам и, бродя по улицам Москвы, мучительно и горько шептал:

— Забыл... Забыл... Забыл...

Однажды, проходя по улице Горького, мимо дома № 48, Картотекин внезапно остановился, схватился за голову, и торжествующий победный клич врезался в бойкий шум людной улицы.

— Вспомнил, вспомнил!

Через мгновение Картотекин уже танцевал на мокрой мостовой, меняя темпы классического танца на лихую удалую национальную пляску, обнимая пешеходов и подкидывая вверх кепку, всхлипывал, обливаясь слезами умиления:

— Вспомнил! Вспомнил! Я забыл подписаться на 1935 г. на большой многокрасочный журнал сатиры и юмора «КРОКОДИЛ».

— Перестаньте нарушать необдуманными танцами уличное движение, — сухо сказал подоспевший к месту происшествия милиционер, — и подпишитесь!

Через две минуты ликующий, уже начавший ползти Картотекин появился в редакции нашего журнала.

— Здесь ли, — в экстазе и упоении спросил он, — помещается редакция того самого «Крокодила», который будет выходить ежедекадно в 1935 году в размере 16 страниц и помещать стихи, рассказы и фельетоны лучших советских сатириков и рисунки лучших советских карикатуристов? Здесь? Не томите меня! Я пришел подписаться!

— Стоит ли? — вежливо предупредили мы. — Обдумали ли вы ваше решение? Проработали ли вы в кругу семьи и посоветовались ли с вашим профуполномоченным? Одумайтесь!

— Поздно, — твердо сказал Картотекин. — Я не могу жить без «Крокодила»!

— Подпишитесь лучше на ежемесячник! — настаивали мы. — На наших страницах вы не увидите обстоятельных статей «Ранний Вазелинский», «Грядущие искания Гронского в 1937 году», «Поздний Фуфайков»...

— Я переживу это, — с радостным легкомыслием перебил Картотекин.

— Подпишитесь лучше на специальное издание об искусстве, товарищ. У нас вы никогда не узнаете о том, что думал драматург Теркин, переделывая в оперетту телефонный справочник 1927 года...

— Переживу!

— Попробуйте лучше подписаться на академическое издание Пушкина. Не пройдет и семи лет, как вы получите уже второй том этого великого поэта...

— Не доживу, — вздохнул Картотекин. — Хочу подписаться на «Крокодил»! Скажите ваши условия!

Мы сдались перед энтузиазмом этого человека и сообщили ему.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»

На 1 мес. — 1 р. 20 к.,
на 3 мес. — 3 р. 60 к.,
на 6 мес. — 7 р. 20 к.,
на 12 мес. — 14 р. 40 к.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносцами, сельписьмоносцами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте.

ОТ РЕДАКЦИИ. По наведенным нами справкам в Кинешме, состояние здоровья тов. Картотекина ныне не оставляет желать ничего лучшего. За последние полторы декады тов. Картотекин прибавил в весе два с половиной килограмма и поражает сослуживцев своей жизнерадостностью и верой в будущее.